

Иван Иванович Панаев

**Спальня светской
женщины**

Иван Иванович Панаев

Спальня светской женщины

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=660045

Собрание сочинений Ив. Ив. Панаева. Томъ первый. Повѣсти и рассказы 1834-1840.: Издание В. М. Саблина; Москва; 1912

Аннотация

«Въ свѣтлый и теплый день апрѣля мѣсяца 183* года, въ началѣ 3-го часа, Невскій проспектъ суетился толпами пѣшеходцевъ, гремѣлъ скачущими экипажами и чопорно красовался вывозною мишурностью своего убранства, на которое глядѣло гордое солнце, съ истинно-русскою щедростью разсыпая золото лучей своихъ...»

Содержание

I.	4
II.	24
III.	54

Иван Иванович Панаев
Спальня свѣтской
женщины
(Эпизодъ изъ жизни
поэта въ обществѣ.)

Посвящается В. И. Панаеву

I.

Что жъ сердце юноши трепещетъ?

Какой заботой онъ томимъ?

Александръ Пушкинъ.

Въ свѣтлый и теплый день апрѣля мѣсяца 183* года, въ началѣ 3-го часа, Невскій проспектъ суетился толпами пѣшеходцевъ, гремѣлъ скачущиими экипажами и чопорно красовался вывозною мишурностью своего убранства, на которое глядѣло гордое солнце, съ истинно-русскою щедростью разсыпая золото лучей своихъ. Пестрота, переливъ красокъ, произительные крики фореиторовъ, карканье разнозчиковъ, стукъ колесъ, хлопанье бичей, громъ барабана и пискъ фл-

сѣты, возвѣщавшіе окончаніе развода, – все это съ перваго взгляда очаровывало зрѣніе и пріятно отзывалось въ ушахъ новопріѣзжаго провинціала, было такъ привычно слуху безсмѣннаго жителя столицы...

«Пади! пади!» – грозно кричалъ плечистый и длиннобородый кучеръ, ловко управлявшій парой статныхъ коней, запряженныхъ въ щегольски отдѣланную коляску... «Пади!» повторялъ онъ; но молодой человѣкъ, къ которому относилось это громозвучное *пади*, будто окаменѣлый, стоялъ посреди улицы. Стремительный бѣгъ коней угрожалъ ему рѣшительной гибелью, – одна минута – и онъ былъ бы раздавленъ, какъ вдругъ кто-то сзади схватилъ его за руку и оттащилъ въ сторону. Онъ обернулся. То былъ адъютантъ съ плутовскимъ взглядомъ, съ ироническою улыбкою и съ блестящимъ аксельбантомъ.

– Что съ тобою, Громекинъ? тебя, милый, раздавятъ, – сказалъ онъ дружески молодому человѣку, подводя его къ тротуару. – Безпечно мечтать можно только въ своемъ кабинетѣ.

Тотъ будто очнулся отъ сновидѣнія, протеръ глаза, взглянулъ на своего избавителя, не произнесъ ни слова, крѣпко сжалъ ему руку и исчезъ въ толпѣ...

Съ перваго взгляда этотъ молодой человѣкъ не былъ замѣчательнъ. Довольно мѣшковатая одежда его придавала ему странный, даже, если хотите, смѣшной видъ, а шляпа съ широкими полями бросала грубую тѣнь на лицо. Походка его была скоро, связана неловкостью и не рассчитана модою. Но

если бы вы взглянули на него въ ту минуту, когда онъ, пробѣжавъ до своей скромной квартиры, на углу Итальянской улицы, съ быстротою помѣшаннаго, усталый, кинулся на диванъ, сбросивъ свою шляпу, — о! васъ вѣрно поразили бы благородныя и привлекательныя черты его, несмотря на то, что онъ выражали какое-то необыкновенное разстройство и были напряжены усталостью.

— Это опять *она!* — произнесъ онъ съ энергическимъ восторгомъ, съ дикою радостью, какъ человѣкъ, долго искавшій чего-то и наконецъ нашедшій желанное.

— Это опять *она!* — повторялъ онъ — и черныя глаза его сверкали ослѣпительнымъ заревомъ страсти, и длинныя кудри темныхъ волосъ его распались въ завидномъ беспорядкѣ....

Ему было не болѣе 20-ти лѣтъ!..

Читатели вѣрно не удивятся, если узнаютъ, что поразило его до такого окаменѣнія и едва не подвергло безвременной смерти. То была, говоря изобрѣтательнымъ языкомъ свѣтскаго человѣка, очаровательная, какъ поцѣлуй, соблазнительная, какъ грѣхъ, задумчивая, какъ мечта, головка женщины, едва отѣненная легкою блондою шляпки и граціозно высунувшаяся изъ окна богатой кареты, которую мчала четверня. Головка, которая уже въ третій разъ являлась юношѣ, какъ роскошное сновидѣніе, и которая такъ жестоко вскружила ему голову!..

Въ мучительномъ и отрадномъ волненіи провель онъ весь

этотъ день; а ночь утопаль въ волнистой, усладительной грезѣ или вздрагивая отъ страшнаго замиранія сердца... То передъ нимъ разстилался необозримый садъ съ невиданною роскошью цвѣтовъ, между коими была всѣхъ привлекательнѣе, всѣхъ душистѣе пышная роза. Онъ хотѣлъ сорвать эту розу, но стебелекъ ея вырывался изъ рукъ его, а роза росла, росла, — и вдругъ сладострастно раскидывалась передъ нимъ чудною незнакомою, идеаломъ души его... То бурное море плескало у ногъ его съ воплемъ гибели — и изъ своей бездонной челюсти выкидывало трунь женщины. И эта женщина была все *она*, она, далекая отъ него, не вѣдавшая объ немъ, но такъ давно знакомая его распалывшемуся воображенію! она, — поэтическая греза его фантазіи, вырывавшейся на свободу. Она, — божество, передъ которымъ, колѣнопреклоненный, онъ залепеталь первую гармоническую молитву!..

Но мы оставимъ до времени разложеніе внутренняго быта героя нашей повѣсти и перейдемъ къ наружному, въ нетерпѣннѣи короче познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Викторъ Громскій почти не зналъ своихъ родителей. Онъ лишился ихъ въ такіе годы, когда не могутъ чувствовать вполне муки этой потери. Порой, какъ сквозь фату сновидѣнія, мелькаль передъ нимъ легкой тѣнью образъ его матери, простиравшей къ нему съ любовью руки; порой съ неизъяснимою прелестью рисовались передъ нимъ сцены изъ его дѣтской жизни: старая его няня съ очками на носу, съ платкомъ на головѣ, скрывавшимъ ея сѣдые волосы, съ

чулкомъ въ рукахъ, съ чудною сказкою въ устахъ, прерывае-
мой брюзгливымъ ворчаніемъ при спусканіи петель; порт-
ретъ Кульнева съ длинными страшными усами, украшавшій
обитыя пестрыми обоями стѣны гостиной, вмѣстѣ съ каки-
ми-то другими портретами, портретъ, который болѣе всѣхъ
впечатлѣлся въ памяти юноши, потому что имъ пугали его
дѣтское воображеніе, стараясь предупредить отъ шалостей,
и который замѣнялъ ему стращанье трубочистомъ. Но вос-
поминаніе обо всемъ этомъ безотчетно и прихотливо пробѣ-
гало по струнамъ его сердца, не извлекая полного потряса-
ющаго аккорда. Онъ не зналъ даже, что эти наивныя сцены
первыхъ беззаботныхъ сознаній его бытія разыгрывались въ
небольшомъ домикѣ небольшой деревни его матери, въ од-
номъ изъ уѣздовъ П** губерніи. Ему передали объ этомъ по-
слѣ. Яркая, благодѣтельная, часто неумолимая память впол-
нѣ начала освѣщать его только съ пребыванія въ Петербур-
гѣ. Его привезли туда 9-ти лѣтъ для того, чтобы опредѣлить
въ казенное заведеніе учиться, а учиться для того, чтобы, не
препинаясь чиномъ титулярнаго совѣтника въ силу Указа,
прямо быть произведена въ коллежскіе асессора, безъ роко-
вого экзамена на 40-лѣтнемъ возрастѣ жизни; къ тому же, как-
кія удивительныя привилегіи: прямо чинъ 10-го класса при
вступленіи въ службу!.. Это необъемлемо роскошная мысль
для провинціального чиновника.

Время отъ складовъ азбуки до *окончанія полного курса наукъ по аттестату* казалось другимъ вѣчностью, ему –

мгновениемъ. Въ 16 лѣтъ, при громъ музыки, при многочисленномъ собраніи посѣтителей, ему вручили аттестатъ – и распахнули передъ нимъ широкую парадную дверь, за которой манила его свобода и роскошно соблазняла своими объятіями.

Пансіонскія занятія его были слишкомъ ограничены для полного дарованія. Онъ стремился въ даль, онъ жаждалъ познаній и, неудовлетворенный, часто наказанный за опрометчивость, пристыженный товарищами, которые называли его *выскачкой*, – онъ горько плакалъ!..

Одно изъ укорительныхъ словъ, неразлучно связывавшихся съ его именемъ – было *поэтъ*. Такъ величали его школьные товарищи съ насмѣшливой улыбкой, потому что порой заставляли молодого человѣка задумавшагося надъ клочкомъ бумаги съ сверкающими очами, съ восторгомъ самозабвенія въ выразительныхъ чертахъ лица!

– Что, у кого украсть? у кого выписать? – съ хохотомъ кричали школьники, вырывая у него этотъ клочокъ, который онъ готовъ былъ защищать, какъ свое единственное сокровище.

Шумъ, громъ, неистовыя забавы дѣтства никогда не запутывали его въ тѣсный кружокъ свой. Отъ этого онъ былъ нелюбимъ большею частію своихъ товарищей. – Лъстяха! – дразнили его нѣкоторые, – трусь! – кричали другіе... – Да онъ фискаль! – съ таинственностью прибавляли третьи.

Громскій не оскорблялся всѣми этими титулами, которыми

такъ щедро награждало его безразсудное и беззавѣтное дѣтство. Онъ былъ выше ничтожныхъ и неотразимыхъ мелочей ученическаго быта. Онъ уже тогда начиналъ жить въ другомъ мѣрѣ, въ заманчивомъ мѣрѣ воображенія, который онъ населилъ по своей прихоти очаровательными въ поэзіи, несбыточными въ существенности, образами. Съ этими образами онъ любовно сжился – и думалъ всегда роскошно лелѣять ихъ у своего горячаго сердца. На нихъ онъ создалъ въ послѣдствіи смѣшное и шаткое, высокое и прекрасное понятіе объ обществѣ!..

Несмотря на свою любовь къ одинокости и уединенію, онъ, съ свойственною благороднымъ душамъ пылкостью, жаждалъ дѣлиться чувствами и мыслями съ другимъ существомъ. Чувства и мысли переполняли его и вырывались наружу, будто пѣна кипящей влаги, льющейся чрезъ края бокала.

Между всѣми товарищами своими онъ давно отличалъ одного, – и этотъ одинъ безъ зова подаль ему руку, и онъ крѣпко сжалъ ее въ знакъ согласія. Они прежде были раздѣлены классами, потомъ соединились въ одномъ и еще лучше поняли другъ друга. Съ той минуты они были неразлучны.

Графъ Вѣрскій, надѣленный способностями, гибкимъ умомъ, привлекательною наружностью, граціозный и ловкій сыздѣтства, самодовольный знатностію своего рода, не упускавшій изъ виду мелкихъ блескокъ образованія и умѣвшій, несмотря на свою молодость, понимать въ другихъ безко-

рыстное стремленіе съ познанію науки, любившій гармонію поэтическихъ звуковъ, по противоположностямъ, такъ часто сходящимся въ природѣ, сошелся съ дикаремъ Громскимъ. Онъ подмѣтилъ въ немъ рѣзкій, хотя и нелюдимый умъ, и провидѣлъ пылкое дарованіе.

Съ этой минуты всѣ товарищи Громскаго перемѣнили свое насмѣшливое обращеніе съ нимъ, потому что они имѣли высокое понятіе о графѣ, а графъ сдѣлался его открытымъ другомъ.

Тотъ, чье воспитаніе выбѣгало одинокой струей изъ-за четырехъ угловъ домашней комнаты и, упавая, сливалось съ шумящими безчисленными струями истока, стремящагося съ силою вдаль въ безграничное и неисчерпаемое море просвѣщенія, или, выражаясь проще и вѣрнѣе по-русски, кто высиживалъ въ общественномъ заведеніи время до полученія привилегированнаго аттестата, тотъ хорошо знаетъ, что такое школьная дружба и школьное первенство, рѣзко отличающее почему-нибудь одного передъ десятками товарищей.

Школьная жизнь есть тѣсная рама будущей обширной жизни; литографированный листъ бумаги, въ жалкихъ размѣрахъ сияющей представитъ огромную картину великаго художника. На этомъ листѣ вы не видите ни бури души, ни молніи вдохновенія, ни восторга, который уноситъ художника какъ летучую звѣзду въ объятія необъемлимаго неба, или, съ гигантскимъ свѣточемъ, низвергаетъ во тьму преис-

подней; на этомъ листѣ только одинъ абрисъ, только одинъ очеркъ, только одна легкая тѣнь; но, несмотря на это, вы все-таки по немъ будете имѣть слабое, хотя запутанное, и изглаживающее понятіе о чудномъ величіи картины!

Школьная жизнь – это клубокъ нравственныхъ силъ чело-вѣка, который со временемъ, по волѣ всемогущей судьбы – или развертываетъ вполнѣ безконечную нить свою, или оста-навливается на половинѣ, или иногда остается вовсе нераз-вернутымъ. Страшная игра! Судьба прихотливо и беззавѣтно, съ улыбкой забавы, держитъ въ рукѣ этотъ клубокъ – и небрежно бросаетъ его съ большею или меньшею силою!

Куда же укатывается онъ!

* * *

Бѣдные! мы съ трепетомъ безумнаго ожиданія, въ нетер-пѣннѣи юности, хотимъ, чтобы этотъ клубокъ катился вдаль, чтобы онъ развернулся скорѣе, и не заботимся, по какому направленію побѣжить онъ. Мы жаждемъ и ищемъ впечат-лѣннѣи, спѣшимъ мужать и въ раму 20-ти лѣтъ вмѣстить тя-готу 40-лѣтней опытности.

Замѣтте: съ самыхъ юныхъ и несознательныхъ лѣтъ, на-чиная играть съ неизмѣримою книгою жизни и перебирая листы ея, мы невольно, если хотите, инстинктивно, останав-ливаемся на самыхъ заманчивыхъ главахъ этой книги. Сло-ва: *дружба, любовь* – такъ утѣшительно ластятся около на-

шего воображенія, которое съ каждымъ днемъ раскрывается сильнѣй и сильнѣй; такъ манитъ наше любопытство, что мы уже начинаемъ мечтать объ осуществленіи этихъ словъ. Эти слова дѣлаются для насъ новыми игрушками – и мы съ жаромъ принимаемся обновлять ихъ: мы ищемъ друга, еще не понимая значенія сего слова и, кажется, находимъ его, создаемъ въ головѣ своей предметъ любви и обожаемъ его. Это забавная игра въ дружбу и любовь!

Въ школьной жизни вы встрѣтите всего человѣка въ миниатюрѣ, съ его честолюбіемъ, гордостью, самоотверженіемъ, эгоизмомъ. Отсюда проявленіе политической дѣятельности, заключенной въ четырехъ стѣнахъ классной комнаты; сила временщиковъ и низость льстецовъ, партіи, безпорядки и проч.

И все это, повторяю, не болѣе, какъ игра въ куклы!

Вѣрскій былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ временщиковъ – и его товарищи робко преклонялись предъ нимъ. Онъ былъ мускулистъ, силенъ и вмѣстѣ съ этимъ статенъ и ловокъ. Качества, почти несоединимыя и всего болѣе замѣчательныя въ лѣта развитій... Сила всегда заставляетъ трепетать безсильныхъ, а тотъ, передъ кѣмъ мы трепещемъ, невольно дѣлается нашимъ идоломъ. Физическая сила – есть единственная аристократія пансіонскаго міра; другой въ немъ не существуетъ. Товарищи Вѣрскаго никогда не называли его графомъ, всегда силачомъ-Вѣрскимъ. – Дружба его была значительна, и сдѣдствія такой дружбы благодѣтельны для Гром-

скаго: его перестали дразнить нменемъ *поэта*; это имя придавали ему по-прежнему, но съ уваженіемъ, стали даже находить въ немъ множество другихъ достоинствъ, которыхъ не хотѣли замѣчать прежде, и съ гордостію присвоивать себѣ его рѣзкія, хотя часто опрометчивыя сужденія о предметахъ.

Поэтъ-Громскій и сплечь-Вѣрскій были всегда вмѣстѣ: — и во время отрадныхъ гуляній, и во время мимолетныхъ повтореній, и въ классахъ на безконечныхъ и монотонныхъ лекціяхъ профессоровъ. Дружба ихъ не колебалась.

Оставалось полгода до ихъ выпуска.

Въ одинъ вечеръ послѣ ужина, въ половинѣ 10-го часа вечера. Громскій, одинокій и задумчивый, сидѣлъ въ классѣ. На длинномъ и высокомъ столѣ, окрашенномъ темно-зеленою краскою, стояла въ низкомъ оловянномъ подсвѣчникѣ нагорѣвшая свѣча, едва освѣщая глубокую комнату. Въ послѣднее время дозорные взгляды товарищей начали подмѣчать, что Громскій какъ бы старался убѣгать своего друга, что онъ чаще прежняго уединялся и становился задумчивѣе. — Тихомолкомъ шли разные толки; вслухъ еще ничего не говорили.

Дверь скрипнула, Громскій вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ молодой графъ.

— Что съ тобою, Викторъ? — безопасно произнесъ онъ, зѣвая... — Вотъ уже три недѣли, какъ не одинъ я замѣчаю въ тебѣ страшную перемену. Ужъ не грядущій ли экзамень заставляеть тебя задумываться? Право, тебѣ нечего бояться

тупой ферулы профессора.

Викторъ горько улыбнулся.

— Ты слишкомъ мало знаешь меня, — возразилъ онъ, — иначе не вытаскивалъ бы грусти моей изъ такого мутнаго источника... Къ тому же развѣ моя задумчивость диковинка? — развѣ я въ первый разъ бѣгу отъ шума и зажимаю уши отъ пусторѣчья? Мнѣ можно задумываться о будущемъ: передо мной еще лежитъ много труда: обокъ съ трудомъ долженъ я итти въ жизни, чтобы продлить существованіе. Тебѣ извѣстно: *я бѣденъ!* я не имѣю имени въ свѣтѣ...

Александръ! я не могу думать ни о жирныхъ обѣдахъ, ни о знаменитыхъ покровителяхъ, ни о *блестящихъ друзьяхъ*... И, произнеся эги послѣднія слова, юноша устремилъ боязливые и пронизательные взоры на своего товарища.

— Вѣрно ты всѣ эти дни вставалъ лѣвой ногой съ постели, — шутя замѣтилъ Вѣрскій. — Какія черныя мысли! передъ нами разстилается необозримая зала удовольствій: роскошь, нѣга, очаровательныя женщины. Мы будемъ дѣлиться всѣмъ, всѣмъ, даже и наслажденіями. Вѣдь ты мой единственный другъ, Викторъ? Я не измѣнюсь къ тебѣ никогда. Мы такъ же, какъ теперь, будемъ неразлучны. Не правда ли?

— Мнѣ кажется, ты забываешь, что не всегда одна кровля будетъ соединять насъ. Какой-нибудь домикъ на Пескахъ, вросшій въ землю, слишкомъ далеко отъ грандіозныхъ палатъ Англійской набережной... Зыаешь ли, сколько верстъ разстоянія между ними? Для дружбы необходимо единоду-

шіе, для единокорія – равенство... Раззолоченныя прихоти аристократа не сойдутся съ воздушными фантазіями плебея!

– Между нами нѣтъ никакого разстоянія, никакого различія! – съ примѣтнымъ негодованіемъ воскликнулъ Вѣрскій... – Въ моихъ понятіяхъ существуютъ однѣ только нравственныя границы между людьми... Я знаю, что умъ и глупость никогда не могутъ сойтись. Разсужденія въ сторону, – прибавилъ онъ съ улыбкою. – Если бы какой-нибудь фокусникъ изобрѣлъ нравственные вѣсы и мы захотѣли бы узнать, чей мозгъ потянетъ тяжеле, – право, я остался бы въ накладѣ... Кто жъ, какъ не я, долженъ дорожить послѣ этого твоей дружбой?

– Такъ ты не измѣнишься ко мнѣ, такъ наша школьная дружба не будетъ казаться тебѣ смѣшною?

– Да избавить тебя Аполлонъ отъ такой мысли! Такая мысль недостойна тебя! Ты всегда смотришь на міръ изъ окна пансіона въ радужное стеклышко поэзіи, а на меня вздумалъ смотрѣть въ какія-то закопченныя стекла! Брось ихъ ради Бога! взгляни на меня попрежнему своими глазами, и я вѣрно не буду тебѣ казаться арабомъ.

Мы привели здѣсь этотъ разговоръ для того, чтобы точнѣе показать читателямъ отношенія, которыя связывали Громскаго съ молодымъ графомъ. Наступило время выпуска – и они должны были поневолѣ разстаться: графъ вступилъ въ военную службу; Громскій нанялъ небольшую комнату въ Итальянской улицѣ. Графъ черезъ полгода произведенъ бы-

ль въ офицеры; Громскій продолжалъ свое образование въ университетѣ. Графъ на лихой четвернѣ разѣзжалъ по театрамъ и баламъ, кружился въ вихрѣ большого свѣта и кружилъ другимъ головы; Громскій всякій день, несмотря на дождь и грязь, смиренно проходилъ пѣшкомъ определенное пространство отъ Итальянской до Семеновскаго полка. Черезъ три года послѣ выпуска графъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ адъютантомъ къ своему дядѣ барону М**; Громскій получилъ аттестатъ на званіе кандидата. Графъ пріобрѣлъ много опытности, коротко ознакомясь съ свѣтомъ; Громскій остался съ прежними понятіями о людяхъ, потому что онъ такъ же, какъ и прежде, былъ далекъ отъ нихъ. Несмотря на все это, въ свободное отъ занятій время Громскій бывалъ у графа, графъ изрѣдка посѣщалъ Громскаго и одинаково былъ съ нимъ радушень. Но Громскій въ роскошномъ кабинетѣ графа, окруженный новыми его друзьями — знатною молодежью, чувствовалъ себя лишнимъ, боялся разстроивать его своимъ появленіемъ, но все не переставалъ любить его по-прежнему. Графъ въ тѣсной и голой комнатѣ поэта былъ какъ бы не на своемъ мѣстѣ, казался озабоченнымъ чѣмъ-то, нѣсколько принужденнымъ. Оба избѣгали разговора, который бы могъ напомнить имъ прежнюю ихъ короткость и оправдать Громскаго, котораго предположенія такъ скоро сбывались.

Онъ не скучалъ въ своемъ уединеніи, потому что ему некогда было думать о скукѣ. Цѣлые дни просиживалъ онъ,

углубленный въ чтеніе... Наука широкимъ и вѣтвистымъ деревомъ раскидывалась надъ его головою, и онъ съ наслажденіемъ рвалъ плоды съ этого дерева. Любимымъ поэтомъ его былъ Шиллеръ; онъ изучалъ пламеннаго, вѣчно юнаго, вѣчно восторженнаго выродка изъ германцевъ... Дѣвственная душа его отрадно разнѣживалась гармоніей небесныхъ звуковъ. Онъ дивился могущему, всеобъемлющему генію Шекспира и Гёте; онъ укрѣплялся въ борьбѣ съ исполинами нѣмецкой философіи, заимствуя огъ нихъ стальную крѣпость рѣчи, быстрый лаконическій напоръ идей, и все это закаляя пламенемъ своей души, ярко и блистательно вспыхивавшей. — Время летѣло для него незамѣтно, и уже весеннее солнце 183* года рѣзко вонзало лучи свои въ тонкія и грязныя льдины Невы. Мартъ былъ въ половинѣ. Утромъ 13-го марта Громскій шелъ по Большой Морской... Вдругъ карета, запряженная четвернею сѣрыхъ рысаковъ, съ шумомъ подкатилась къ подъѣзду дома, къ которому подходилъ онъ. То былъ магазинъ Сихлеръ. Ступеньки кареты хлопнули, показалась очаровательная ножка, затянута въ черный атласный башмачокъ, потомъ маленькая свѣтло-зеленая шляпка съ развѣвающимся блондою, подъ шляпкой темная тесьма каштановыхъ волосъ и личико, будто сейчасъ снятое съ картины Рафаэля... Мигъ... Плѣнительная дама вспорхнула на лѣстницу и уже была въ магазинѣ... Громскій, окаменѣлый, стоялъ у подъѣзда съ помутившимися глазами. Это было чудное, соблазнительное явленіе для затворника. Его идеа-

лы: Теклы, Маріи, Маргариты, Дездемоны, вдругъ затѣснились въ головѣ его, путались, смѣшивались и уничтожались – предъ этимъ живымъ существомъ, предъ этою граціозною, едва мелькнувшею незнакомкою, образъ которой неизгладимо съ перваго мгновенія вѣзался въ растопившееся сердце юноши. Минута любви прозвучала на часахъ его жизни.

Надобно имѣть 20 лѣтъ, душу, стремящуюся ко всему высокому. сердце, несознаемо жаждущее любви, воображеніе, освященное величественнымъ заревомъ поэзіи, чтобы понять такую неуловимую вспышку. Не помню, кто-то сказалъ, что сердце юноши – пороховой ящикъ, и довольно одной пролетной искры, чтобы видѣть разрушающій взрывъ. Съ этого дня жизнь его совершенно измѣнилась: онъ большую часть своего времени сталъ проводить внѣ дома. Онъ взадъ и впередъ прохаживался по широкимъ улцамъ Петербурга, съ одною надеждою, съ одною цѣлію встрѣтить незнакомку. и надежда его сбылась только одинъ разъ въ длинный промежутокъ 2-хъ недѣль.

Наступилъ апрѣль мѣсяць. Громскій не переставалъ быть на дозорѣ, и читатели въ началѣ сей повѣсти видѣли его среди улцы безумно слѣдящаго прогремѣвшую карету и подвергавшагося опасности быть раздавленнымъ... То была его третья встрѣча съ прелестною дамою. Адыютантъ, отведшій его отъ опасности, былъ графъ Вѣрскій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Громскій сидѣлъ въ своей комнатѣ, передъ нимъ на небольшомъ столѣ лежала

развернутая книга. Онъ машинально перебиралъ страницы. Въ душѣ его кипѣла буря, страшная буря любви. Смута чувствъ, мыслей, фантазій въ эту минуту была въ немъ неизслѣдима. Образъ ея хотѣлъ вытѣснить изъ него и чувства, и мысли, и фантазію! Онъ извѣдывалъ неотразимую необходимость видѣть ее каждую минуту, топить свои взоры въ ея бирюзовыхъ очахъ. Она казалась ему ненаглядною, божественною. Ни одна грѣшная мечта не проскользала въ его лучезарной идеѣ объ ней; ни одно смѣлое желаніе не дерзало прикоснуться къ нему... Она была для него и чиста, и недоступна въ существенности. Онъ даже не смѣлъ думать, что провидѣніе когда-нибудь доставитъ ему отраду слушать ея привѣтныя рѣчи, упиваться ея музыкальнымъ голосомъ, быть наединѣ съ нею. Эта мысль поглотила бы его своею необъятностію. Онъ только хотѣлъ, незамѣченный, любоваться ею издалека, какъ заключенный грѣшникъ любитъ безпредѣльною свободою лазореваго неба, безъ надежды быть когда-нибудь его избраннымъ.

Къ тому же – судьба, попросившая ее качаться на эластическихъ подушкахъ богатой кареты, заставила его растаптывать грязь тротуаровъ калошами. Между ними была страшная бездна, брошенная безжалостно людскимъ тщеславіемъ, эгоизмомъ и прихотью.

Кто живалъ и бывалъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, какъ безчисленно раздѣлено его общество; знаетъ, какъ переходъ отъ одного къ другому невозможенъ. Первое впечат-

лѣніе, которое производитъ Петербургъ на новопріѣзжаго – это очарованіе... Его великолѣпныя дворцы; его широкія и прямыя улицы, обстроеныя высокими и гладкими домами; его тротуары и гранитныя набережныя; Нева, весело обхватывающая его станъ голубою лентою; его Петръ, взлетѣвшій вихремъ на обрывокъ скалы и въ нетерпѣніи осадившій коня, чтобы обозрѣть орлинымъ окомъ свое созданіе, кажется, смиряющій маніемъ руки бурю стихій – все и все поражаетъ васъ съ перваго взгляда. И хотя стоитъ обглядѣться и обсидѣться въ гранитномъ городѣ, чтобы волшебство исчезло, однако васъ долго будетъ увлекать его шумъ, его неумолкаемое движеніе, его просторныя гульбища, его парадныя балы... одного только тщетно будете искать вы – самобытности.

Среднія общества Петербурга, странно развѣтвившіяся, монотонны, изысканны. Изящная сгорона удовольствій чужда имъ: группы дамъ и мужчинъ раздѣлены волшебною чертою, очерчены заколдованнымъ кругомъ, сходятся только для танцевъ и потомъ снова расходятся, говорятъ заученныя французскія фразы, смѣшанныя съ русскими, и, проговоривъ чиино, смолкають.

Аристократическія гостиныя, разсѣянныя по всему городу, не имѣющія своего особеннаго центра, какъ предмѣстія Saint-Germain въ Парижѣ, но старающіяся сближаться между собою по набережнымъ, по Морской и по Милліоннымъ, заключаютъ снимокъ парижской изящности... Однако

самый вѣрный, самый подробный снимокъ никогда не можетъ достигъ красоты оригинала. Это аксіома, утвержденная на пьедесталѣ вѣковъ!.. Въ этихъ гостиныхъ вы, разумѣется, встрѣтите роскошь, ослѣпляющую глаза, утонченность, свѣтящуюся блестками образованія, свободное соединеніе обоихъ половъ, отборныя французскія фразы и невынужденную французскую рѣчь; но и здѣсь, къ несчастію, господствуетъ духъ напыщенности, отъ котораго сжимается красота и образованіе будто листь травы *не тронь меня!* – Какъ бы то ни было, аристократическія гостинья вездѣ и всюду суть дивныя раковины, заключающія въ себѣ многоцѣнныя жемчужины!..

Жаль, что онѣ въ Петербургѣ вовсе лишены самобытности и рѣдко доступны для безсіятельныхъ именъ, хоть будь эти имена съ ногъ до головы позолочены червоннымъ золотомъ просвѣщенія.

Громскій зналъ это, и безнадежность когда-нибудь наслаждаться образомъ его чудной незнакомки сильнѣй и сильнѣй подтачивала его сердце... Онъ только догадывался, что она должна принадлежать къ аристократическому кругу; все изобличало въ ней утонченность высшаго тона: и ловкость, и легкость, и изящность наряда. Экипажъ ея блестѣлъ мастерскою отдѣлкою, и два лакея, огромнаго роста, были облачены въ красную ливрею, отороченную золотымъ газомъ съ гербами. Все это Громскій успѣлъ замѣтить въ три мимолетныя съ нею встрѣчи: глазъ юноши всегда быстръ и объ-

емлющъ... Одну только догадку онъ упустилъ изъ виду въ первую встрѣчу: – спросить у лакея: «чья карета?»; отвѣтъ на этотъ вопросъ открылъ бы ему ея имя. Но въ ту минуту Громскому было не до того; онъ не могъ разсуждать, онъ не могъ бросать небрежно равнодушные вопросы проходящаго *фата*, который подмѣтилъ въ стеклышко своего лорнета хорошенькую женщину. Громскій былъ весь чувство и зрѣніе.

Почти черезъ мѣсяць послѣ первой встрѣчи, какъ мы сказали уже, онъ сидѣлъ задумчиво въ своей комнатѣ, машинально перебиралъ листы Гётева «Вертера»... вдругъ, съ силой ударивъ по столу сжатымъ кулакомъ, будто проникнутый искрою счастливой мысли, онъ соскочилъ со стула и быстрыми шагами прошелся по комнатѣ...

«Эта мысль ускользала отъ меня цѣлый мѣсяць!» – произнесъ онъ почти вслухъ. – «Да! Вѣрскій долженъ вспомнить нашу старую дружбу. Онъ знаетъ ее, онъ мнѣ доставитъ случай видѣть ее!...»

II.

*Онъ такъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ. Какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена!*
Александръ Пушкинъ.

Въ 183* году въ Петербургѣ существовало только два театра. Одинъ, взгроможденный на огромной площади въ Колоннѣхъ возлѣ Коммиссаріата и такъ немилосердно удаленный отъ середины города. Этотъ театръ, нынѣ вовсе почти покинутый, назывался и называется до сей минуты *Большимъ*... Онъ посвящался зрѣлищамъ русскимъ и почти исключительно красовался неугомонною вереницею произведеній князя А. А. Шаховского, который въ послѣднее время такъ мило и удачно окунулся въ *національность*. Другой въ глубинѣ обширнаго двора между Аничкинымъ дворцомъ и Императорскою библіотекою, немного лѣвѣе того мѣста, гдѣ стоитъ теперь Александринскій театръ. Предмѣстникъ его былъ весьма незавидной наружности, и потому, для приличія, скрытъ былъ полукаменнымъ, полудеревяннымъ заборомъ, который тянулся по Невскому проспекту вровень съ бесѣдкою дворцоваго сада и библіотекою. Онъ назывался *Малымъ* и былъ три раза въ недѣлю посѣщаемъ аристократическою публикою, которая пріѣзжала туда для препровожденія

денія времени, посмотрѣть на игру французской труппы.

Теперь, вмѣсто скромнаго двора, гордо раскидывается Александринская площадь съ обширнымъ палисадникомъ; вмѣсто уничтоженнаго Малаго театра свѣтится новый небольшой театръ на Михайловской площади, устроенный Брюловымъ просто и изящно.

Вся эта метаморфоза совершилась незамѣтно передъ нашими глазами.

Но кто не помнитъ скромности и домашней уютности Малаго театра? Кто не жалѣлъ объ немъ, когда узнали, что онъ рѣшительно предназначается въ ломку?

2-го апрѣля, въ семь часовъ вечера, въ послѣдній годъ его существованія, экипажъ за экипажемъ останавливался у его незатѣливаго подъѣзда, ножка за ножкой пролетомъ скользила по его сѣнямъ, дверь за дверью открывалась въ лежахъ 1-го яруса. Занавѣсъ еще не подымался, музыканты строили инструменты...

Въ 4-мъ ряду кресель стояли два молодые человѣка почти одинаковыхъ лѣтъ: одинъ статскій, другой военный. Темные волосы, небрежно завитые природой, упали на большой и открытый лобъ статскаго; лицо его, нѣсколько продолговатое, еще сохраняло рѣдкій и плѣнительный цвѣтъ нетраченной жизни: оно то вспыхивало яркимъ румянцемъ, то пскрывалось рѣзкою блѣдностью. Черные глаза его сверкали, какъ тонкіе лучи звѣздъ въ морозную ночь. Они то съ волненіемъ устремлялись на незанятую ложу въ 1-мъ ярусѣ, возлѣ

царской, то вопросительно обращались къ военному. Военный былъ адъютантъ, стройный и тонкій, блѣдный до изнеможенія, съ тонкими заманчивыми глазами, съ беззаботнымъ видомъ свѣтскаго человѣка.

Музыка загремѣла. Черезъ нѣсколько минутъ дверь ложи, на которую такъ постоянно и пристально глядѣлъ статскій, стукнула и медленно отворилась. Сердце его билось съ невыразимою силою. Въ ложу вошли двѣ дамы: одна лѣтъ 45-ти, одѣтая съ кокетствомъ 20-лѣтней женщины, другая... другая вполнѣ развернувшая блистательность красоты своей, съ бирюзовыми очами, подернутыми поволокою, съ темно-каштановыми прядями шелковистыхъ волосъ, которые прятались подъ небольшимъ беретомъ чернаго бархата. Большая бѣлая роза, приколотая съ лѣвой стороны берета, страстно качалась на стебелькѣ своемъ – будто хотѣла дотронуться до розовой щечки красавицы. Она съ неуловимою ловкостью сѣла въ кресла своей ложи и съ невообразимо-упоительной улыбкой небрежно кивнула головкой кланявшемуся ей адъютанту.

– Это она! она! – произнесъ статскій, не стараясь скрыть своего восторга, дергая адъютанта за его матовый аксельбантъ и не сводя съ нея глазъ.

– По твоему восторженному описанію я тотчасъ узналъ ее. Я не ошибся въ твоёмъ вкусѣ. Княгиня Гранатская блестящая въ кругу петербургскихъ красавицъ, будто луна въ толпѣ звѣздъ, по выраженію поэта!.. Послѣ театра ты у меня – и

мы на раздольѣ поговоримъ объ ней...

— Ея мужъ живъ? — произнесъ юноша, съ примѣтно измѣнившимся лицомъ...

Въ эту минуту занавѣсъ поднялся, и два друга разстались. Громскій не успѣлъ получить отвѣта.

Если бы на другой день вы вздумали спросить у него, что представляли на сценѣ? Драму, комедию, водевиль или балетъ? Въ русскомъ или во французскомъ театрѣ былъ онъ? — Викторъ вѣрно не могъ бы удовлетворить вашего любопытства. Онъ ни разу не взглянулъ на сцену; онъ не думалъ ни о сохраненіи приличія, ни о томъ, что нѣкоторые, посматривая на него, коварно улыбались, что другія просто смотрѣли на него съ полупрезрительною гримасою, какъ на чудака. Онъ не воображалъ, что на другое утро будетъ предметомъ разговора, игрушкою свѣтскаго пусторѣчія... И что ему было до свѣта? Его свѣтъ, его рай, его жизнь заключались въ ней одной. Она была передъ его очами — и онъ ничего не видалъ, кромѣ ея... Онъ пилъ ея взоры, онъ слѣдилъ ея движенія, онъ хотѣлъ уловить въ измѣненіяхъ лица ея душу. Но она вся казалась ему *душою*.

Пылающія очи юноши, небрежныя волны его кудрей, дикое вдохновеніе, осѣнявшее чело его, неизысканная, можетъ быть, слишкомъ простая одежда — все заставило княгиню обратить на него небольшое вниманіе... Она навела на него лорнетъ... Съ перваго взгляда онъ показался ей чрезвычайнo страннымъ. Эта странность задѣла ея любопытство, а го-

ворять, будто бы женщины любятъ все, что выходитъ изъ ряду обыкновеннаго... И княгиня, желая вполнѣ удовлетворить эту слабость, – общую всѣмъ женщинамъ, начиная съ ихъ прабабушки Евы, – начала внимательно разсматривать Громскаго.

Послѣ такого созерцанія она задумчиво обратилась въ сторону; она угадала состояніе души молодого человѣка, и сквозь эту задумчивость можно было провидѣть самоудовольство женщины, привыкшей побѣждать, потому что страстные уста ея пошевелились улыбкою.

При разѣздѣ, когда она садилась въ карету, ея взоръ нечаянно встрѣтился со взоромъ молодого человѣка. Онъ стоялъ будто окаменѣлый въ толпѣ со сложенными руками, слѣдя шаги ея; она сѣла въ карету... Кони двинулись... И она два раза выглянула изъ окна, чтобы посмотреть на него.

Цѣлый вечеръ она была необыкновенно разсѣянна. – Это передала намъ раздѣвавшая ее горничная.

Когда послѣ театра Громскій, по приглашенію своего друга, явился къ нему, графъ съ необыкновеннымъ участіемъ бросился къ нему навстрѣчу.

– Я тебя искалъ вездѣ послѣ окончанія спектакля, – говорилъ онъ, – обѣгалъ всѣ коридоры и не могъ найти. Мы вмѣстѣ доѣхали бы въ каретѣ... – И, схвативъ его за руку, онъ увлекъ его въ свой кабинетъ.

Кабинетъ графа красовался умышленно поэтическимъ беспорядкомъ. Вы сказали бы съ перваго взгляда, что это

роскошное святилище поэта или заманчивая мастерская художника. Тамъ и сямъ на столахъ съ привлекательною небрежностью были разбросаны новѣйшія книги, журналы, эстампы; въ углу стояли: станокъ художника, зрительная труба; всѣ стѣны были увѣшаны снимками съ картинъ Рафаэля, Доминикино, Корреджіо, Мюрилло, въ богатыхъ золотыхъ рамахъ; въ амбразурѣ оконъ висѣли портреты великихъ поэтовъ и замѣчательныхъ современниковъ на политическомъ поприщѣ. На доскѣ мраморнаго камина стояли небольшіе бюсты: Петра Великаго, Екатерины, Наполеона, Говарда, Вольтера, Ньютона. Яркое освѣщеніе прихотливо играло на вычурныхъ бездѣлкахъ бронзы. Но, разсмотрѣвъ эту комнату, вы приняли бы ее за выставку вещей, продающихся съ публичнаго торга и соблазнительно разставленныхъ для глазъ покупателей.

Графъ посадилъ своего друга на широкій диванъ, который, вѣроятно, созданъ былъ для лежанья, и, придвинувъ къ дивану огромныя кресла, спинка которыхъ упала назадъ, позвонилъ и разлегся въ нихъ.

– Чаю и трубокъ! – сказалъ онъ вошедшему человѣку. Чай и трубки были принесены.

Викторъ отбросилъ свою трубку и устремилъ нетерпѣливыя очи на Вѣрскаго...

– Не правда ли, Александръ, – произнесъ онъ, – ты удержишь свое обѣщаніе и расскажешь мнѣ о ней...

– Ого! Княгиня видно не на шутку защемила твое серд-

це... Въ самомъ дѣлѣ она чудесная женщина! Она создана быть идеаломъ поэта: ея образованность, ловкость, тонкое познаніе незамѣтныхъ оттѣнковъ свѣтскости, пламенная душа, огненное воображеніе...

– А ея мужъ? – перебилъ влюбленный.

– Минута терпѣнія!.. Я передамъ тебѣ хронологически короткую исторію этой женщины, короткую потому, что ей только 23 года.

Громскій придвинулся къ кресламъ графа, и послѣдній началъ рассказъ свой почти въ слѣдующихъ словахъ:.

«Генераль адъютантъ Всеславскій имѣлъ одну дочь. Эту дочь звали – Лидіей. Говорять, малютка была такъ нѣжна и очаровательна, какъ мысль ангела. Ея голубые глазки, ея бѣлокурая головка, рассыпавшаяся локонами, ея поразительная бѣлизна и легкій розовый оттѣнокъ на щечкахъ – все давало ей право, безъ всякаго ходатайства, быть включенною въ число прелестныхъ малютокъ. Она была неоцѣнимый брилліантъ. Мать ея, женщина съ необыкновеннымъ умомъ и съ утонченнымъ образованіемъ, любила ее до изступленія. Генераль не могъ на нее наглядѣться... Наступилъ 1812 годъ. Наполеонъ шель на Россію. Россія приготавлила гостю кровавое пиршество. Незабвенный Барклай очищаль ему дорогу и заводилъ его въ самое сердце Россіи. Москва пустѣла, чтобы дать полный раздоль несмѣтнымъ полчищамъ исполина. Генералу назначень былъ важный постъ въ арміи. Онъ простился съ женою, прижалъ къ сердцу

4-хлѣтнюю Лидію и сѣлъ на коня... Лидія съ каждымъ днемъ становилась милѣе, съ каждымъ днемъ проявляла удивительныя способности, необыкновенную смѣтливость для своихъ лѣтъ... Генераль, возвратившійся изъ похода, съ грудью, увѣшанною орденами, ушпиленною звѣздами, съ одной ногой и съ двумя костылями, былъ въ восхищеніи отъ своей дочери... Время шло. Событіе за событіемъ совершалось. Уже русскіе успѣли прогуляться въ Парижъ и съ запасомъ французскихъ фразъ воротиться домой. Въ исходѣ 1819 года генераль скончался. День 5-го мая 1821 года палъ въ океанъ вѣчности – и Бурбоны вздохнули свободно на тронѣ...»

«Въ исходѣ этого мѣсяца Всеславская уѣхала въ чужіе края, вмѣстѣ съ 14-лѣтнею своею дочерью, которая уже рѣшительно поражала остротою ума, красотою и ловкостью.»

«Четыре года провели онѣ въ Парижѣ: три года Лидія никуда не выѣзжала, эти три года были посвящены ея образованію; на четвертый яркая русская звѣзда блеснула на горизонтѣ парижскихъ обществъ, ослѣпляя взоры самыхъ взыскательныхъ парижанъ. Ея нравственное образованіе было кончено, начиналось образованіе свѣтское. Въ 1825 году онѣ возвратились въ Петербургъ.»

«Въ началѣ зимы 1826-го года гостиныя петербургскія ознаменовались новымъ явленіемъ... Въ этихъ гостиныхъ показалась очаровательная, несравнимая дѣвушка. Эта дѣвушка была Лидія... Ея блестящее образованіе, ея покоряющая красота пеожиданно изумили всѣхъ. Дворъ обрати-

ль на нея свое благосклонное вниманіе – и на слѣдующую зиму она была пожалована во фрейлины. – Въ ту же зиму она лишилась матери. Въ 1828-мъ году она должна была выйти замужъ за полковника князя Гранатскаго, который присоединилъ къ ея огромному состоянію свои милліоны. Этотъ бракъ не могъ быть выборомъ ея сердца: князь ничего не имѣетъ, кромѣ своего имени и золота. Вотъ уже годъ, какъ онъ посланъ съ какими-то порученіями на Кавказъ. Время его возврата не опредѣлено. Княгиня покуда дышитъ свободою...»

При этомъ словѣ и Громскій, все время слушавшій рассказъ графа съ напряженнымъ вниманіемъ, вздохнулъ легче и свободнѣе.

«Молодая княгиня, – продолжалъ графъ, – два года сряду постоянная владычица обществъ самаго высшаго тона, неизмѣнимая законодательница модъ. Она окружена неотразимой толпою обожателей: ея взглядъ – жизнь, ея желаніе – законъ, ея вниманіе – рай.»

«Можетъ быть исторія княгини не имѣетъ поэтической стороны: это исторія многихъ свѣтскихъ женщинъ. Поэзія – сверкаетъ страстью и дышитъ любовью... Но согласись, что такая женщина не можетъ долго существовать безъ любви...»

– Настала ли пора ея любви или нѣтъ?..

– Во всякомъ случаѣ любовь должна быть тайною, – прибавилъ съ странною улыбкою Вѣрскій...

Викторъ Громскій задумался. Было нѣсколько минутъ молчанія...

Графъ выпустилъ изо рта длинную ленту дыма.

– Хочешь ли, я тебя представлю къ ней? – сказалъ онъ.

Лицо Виктора подернулось страшною блѣдностью... Сердце его било тревогу. Эта мысль доселѣ была для него такъ недоступна, что онъ оскорбился предложеніемъ своего товарища.

– Я не знаю, кстати ли твоя шутка? – возразилъ холодно юноша.

– Что съ тобой, Громскій? я не думалъ шутить. Я очень серьезно спрашивалъ и спрашиваю тебя: хочешь ли быть съ ней знакомымъ?

Юноша не могъ ничего отвѣчать, онъ соскочилъ съ дивана и съ непередаваемымъ волненіемъ чувствъ бросился на грудь графа... Измѣненія лица его были неизслѣдимо быстры: въ это мгновеніе оно вдругъ вспыхнуло темнымъ румянцемъ.

Аристократъ снова улыбнулся; но эта улыбка, казалось, замѣнила въ немъ вздохъ. Онъ подумалъ: – я ужъ не имѣю наслажденія такъ сильно чувствовать; для меня не будетъ такой минуты!

– Я завтра же предувѣдомлю о тебѣ княгиню. Ручаюсь, что она приметъ тебя какъ нельзя лучше...

– Неужели завтра? – возразилъ Викторъ, котораго волненіе едва начинало стихать.

– Да, но *одно условіе*, прежде чѣмъ ты представишься къ ней! – Произнеся это, графъ сжалъ руку товарища въ своей рукѣ. – Ты не знаешь общества, его нелѣпыхъ предразсудковъ, его мишурныхъ прихотей, его ничтожныхъ мелочей. Я тебѣ говорю объ этомъ, какъ твой старый товарищъ, твой другъ, надѣясь, что слова мои будутъ имѣть вѣсь въ твоихъ мысляхъ... Чтобы не сдѣлаться страннымъ въ близорукихъ глазахъ общества, ты долженъ низойти до него и обратить вниманіе на мелочи. Знаешь ли, что эти мелочи иногда удивительно дѣйствуютъ и на самую умную, но свѣтскую женщину?.. Тебѣ надобно одѣться, соображаясь съ теперешней модою. Покройцъ твоего платья годится только для уединеннаго кабинета. Онъ будетъ смѣшонъ въ роскошномъ будуарѣ женщины. Я берусь въ этомъ случаѣ быть твоимъ руководителемъ, несмотря на то, что я военный. Если же у тебя нѣтъ теперь денегъ, мой портфель ссудитъ тебя необходимымъ... Ты не сердись на меня за это замѣчаніе, не правда ли?

Слезы брызнули изъ глазъ молодого челоѣка...

– Александръ! – произнесъ онъ съ чувствомъ, – этою откровенностью ты напоминаешь мнѣ старое время, нашъ школьный бытъ, который прошелъ невозвратно. Я полагаюсь на тебя во всемъ. Я твой. Видѣть эту женщину сдѣлалось для меня необходимостью. Для нея, но только для нея, я готовъ сдѣлаться куклою...

Пробилъ часъ... Старые школьные товарищи разстались. Съ самага выпуска никогда графъ не казался такъ располо-

женнымъ къ Виктору, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ разжогъ въ Викторѣ отрадную надежду видѣть въ немъ по прежнему друга... Восторженный, переполненный ожиданіями, онъ возвращался домой. Фантазіи его разыгрывались на слѣдующей мысли: я буду видѣть ее, говорить съ нею, дышать однимъ воздухомъ! Можетъ быть я снова буду имѣть друга!

Когда Громскій вышелъ отъ графа, графъ зѣвнулъ, потянулся и подумалъ:

«Какъ неуклюжъ и неловокъ будетъ онъ въ обществѣ! Какой превосходный и поразительный контрастъ: влюбленный чудакъ-студентъ рядомъ съ свѣтской женщиной лучшаго тона! Право, я доставлю не одной княгинѣ случай отъ души посмѣяться!»

Знаете ли вы, что такое вполнѣ *свѣтскій человѣкъ*. Вы встрѣчаете его въ обществѣ въ разныхъ видахъ: или въ франтовскомъ фракѣ съ желтыми перчатками и тросточкой, или затынутаго въ мундиръ, гремящаго шпорами и махающаго бѣлымъ султаномъ. Свѣтскій человѣкъ – существо, дышащее только атмосферою гостиныхъ, вздумайте лишить его этой атмосферы: онъ уннчтожается, гибнетъ. Вы у него отняли жизнь. Вы посадили комнатную птичку подъ пневматическій колоколь. Свѣтскій человѣкъ ежедневно кружится безъ цѣли около лжи, сплетней, напыщенности, предрасудковъ, прихотей, выдумокъ, – словомъ, около всего толкучаго рынка жалкой человѣческой ничтожности, и, наконецъ, одурѣваетъ отъ круженія... Онъ будто флюгеръ, вертящійся во всѣ

стороны по прихоти вѣтра и погибающій отъ ярости бури. Въ этомъ человѣкѣ постепенно стираются самобытность и чувства, вѣрованія и мысли, какъ стирается вычеканенная поверхность монеты отъ долгаго употребленія. Онъ имѣеть совершенно одинаковую съ нею участь: истертый свѣтскій человѣкъ и истертая монета перестаютъ быть въ ходу, потому что всѣ начинаютъ бояться ихъ фальшивости. Въ самомъ дѣлѣ, сохрани васъ Богъ довѣриться опытному свѣтскому человѣку: для него нѣтъ ничего высокаго! Онъ топчетъ въ грязь все прекрасное, онъ смѣется надъ всѣмъ благороднымъ, онъ ни отъ чего не краснѣеть, онъ ничему не удивляется, онъ не хочетъ ничего чувствовать! И со всѣмъ этимъ не вообразайте, чтобы онъ походилъ на *Атамана разбойниковъ* г-жи Радклифъ или на *Саффи* Евгенія Сю... Нимало! Дѣйствія свѣтскаго человѣка не имѣютъ никакой опредѣлительности, никакой цѣли... Онъ безбожно растрчиваетъ свою душу и не подозреваетъ этой растраты. Порокъ и безчувствіе вкрадываются къ нему безъ признанія и одолеваяютъ его безъ сопротивленія. Онъ не злодѣй, – это имя для него черезчуръ громко: онъ ничтожный рабъ случая, онъ жалкій поденщикъ моды... не болѣе!

Идеалы Виктора Громскаго о свѣтскихъ людяхъ и обществѣ никакъ не сходились съ существенностью... Его выводы были извлечены изъ лучезарныхъ фантазій, а не основаны на гранитныхъ фактахъ! Хотя графъ Вѣрскій успѣлъ разочаровать его во многомъ, но онъ старался оправдывать его передъ

собою, какъ могъ. Еще призракъ дружбы не распался въ глазахъ молодого человѣка, еще онъ былъ счастливъ.

Оставляя безъ сожалѣнiя уединенность занятiй, онъ съ трепещущимъ сердцемъ, съ неопредѣленными ожиданiями, вступалъ въ общество.

Ему готовилось испытанiе!

Мы едва не забыли сказать читателямъ, что около этого времени имя Громскаго, разсѣяннаго по всѣмъ повременнымъ изданiямъ, дѣлалось извѣстнымъ не одному только записному цеху литераторовъ... Это имя зажигалось звѣздой надежды на безпривѣтномъ горизонтѣ русской литературы...

Черезъ полторы недѣли послѣ описаннаго нами свиданiя Виктора съ графомъ, въ сумерки одного вечера, по Большой Миллiонной съ громомъ катилась ямская карета, запряженная четвернею разгонныхъ коней... Въ этой каретѣ сидѣлъ графъ съ молодымъ поэтомъ, сердце котораго билось такъ сильно, будто хотѣло прорваться... Черезъ минуту громъ смолкъ. Карета остановилась у гранитныхъ колоннъ подъѣзда княгини Гранатской. Подножки хлопнули... у Громскаго захватило духъ...

Княгиня сидѣла въ своемъ будуарѣ, ярко блестящемъ огнями, на широкомъ оттоманѣ, окруженная махровыми розами, которыя роскошно красовались на тонкихъ стоболькахъ своихъ и плѣнительно отгѣнялись отъ ея лебединой груди... Маленькiя ножки княгини завидно покоились на цвѣтистой ткани богатаго ковра; передъ ней стояло огромное трюмо въ

золоченой рамѣ. Поодаль на малахитовой доскѣ стола красовались большіе бронзовые часы... Стѣны будуара были обиты волнистой шелковой матеріей бѣлаго цвѣта, отороченной сверху позолочеными карнизами. Надъ головою княгини висѣла широкая лента звонка съ золотою, искусно обдѣланною ручкою; возлѣ нея стоялъ небольшой столикъ, на столѣ развернутая книжка, а на книжкѣ большой перламутровый ножъ.

«Графъ Вѣрскій и г. Громскій», сказалъ размѣреннымъ голосомъ вошедшій лакей.

Княгиня посмотрѣлась въ трюмо.

Обѣ половинки зеркальной двери растворились.

Графъ Вѣрскій показался первый. за нимъ шель поэтъ... но то не былъ поэтъ Громскій, старый знакомецъ нашъ, всегда непринужденный въ движеніяхъ, всегда небрежшій о своей одеждѣ, закутанный въ длинный сюртукъ или фракъ стариковскаго покроя съ короткими фалдами, съ таліей на спинѣ и съ буфами на рукавахъ, въ бѣломъ галстукѣ съ маленькимъ бантикомъ, затянутымъ съ нѣмецкою аккуратностію. Совсѣмъ нѣтъ! то былъ молодой человѣкъ, наряженный по послѣдней модѣ: въ узкій фракъ, совершенно обтягивавшій его, съ двумя лацканами, отлетѣвшими далеко отъ груди и выказывавшимися за спиною, будто остроконечныя крылья летучей мыши; съ небрежно развѣвавшимися концами чернаго галстука, въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, съ обстриженною и завитою, какъ у барашка, головою, съ

неловкою и странною поступью, съ руками, отпятившимися назадъ, будто просившимися вонъ изъ фрака... Вы нехотя улыбнулись бы, взглянувъ на эту фигуру, вы подумали бы, что это уморительная пародія на послѣднюю картинку Petit Courier des Dames или нашего Телеграфа.

Кто же былъ этотъ молодой человѣкъ?

Краснѣя и потупляя глаза, мы должны признаться, что это точно былъ Викторъ Громскій.

До какихъ глупостей не доводитъ любовь 20-тилѣтняго юношу!

Княгиня, быстро осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, едва скрыла улыбку, кусая нижнюю губу... Но видно было, что она тотчасъ узнала въ неуклюжемъ франтѣ того молодого человѣка, который такъ сильно заманилъ ея любопытство въ театрѣ.

Послѣ улыбки первое ея чувство было – досада: она хотѣла видѣть его въ эту минуту точно такимъ же, какъ увидѣла его впервые.

Графъ подвелъ къ ней Громскаго: лицо поэта было подернуто заревомъ, онъ дрожалъ всѣми членами, будто преступникъ, приведенный передъ судьей для того, чтобы выслушать изъ устъ его роковое слово: *смерть*.

Но въ эту минуту смѣшная сторона его незамѣтно уничтожалась: онъ возбуждалъ не жалость, а участіе.

Княгиня съ очаровательнымъ кокетствомъ, котораго ни уловить, ни выразить невозможно, предупредила бѣднаго

юношу отраднымъ привѣтомъ, который сверкаль позолотой ума и былъ распысканъ обаятельнымъ ароматомъ гостиныхъ.

Она показалась ему какимъ-то божественнымъ видѣніемъ, какою-то плѣнительною грезю. Сердце его сжималось, расширялось и трепетало. Онъ залетѣлъ бы за предѣлы неба, но поневолѣ былъ прикованъ къ землѣ, потому что мучительно чувствовалъ неловкость каждаго своего шага, каждаго движенія, каждаго взгляда.

Грустно, непередаваемо грустно, когда душа, трепещущая восторгомъ, хочетъ вспорхнуть въ свою родину – небо и бьется, какъ голубь въ сѣтяхъ, въ грубой оболочкѣ тѣла! Она, расширивъ крылья и стрѣлой разрѣзавъ перловое пространство воздуха, взвилась бы далеко, далеко... Но нѣтъ! Существенность, едва прикрывшая наготу свою грязными лохмотьями, всюду слѣдитъ бытіе человѣка и дерзко заслоняетъ передъ нимъ бездзорный, гигантскій яхонтъ – подножіе Божьяго престола! Существенность тянетъ его къ землѣ, указываетъ ему на землю, будто хочетъ сказать, что съ нею сопряжено его грядущее... О, для чего же духъ и тѣло слѣплены неразрывно, для чего переходъ отъ настоящей къ грядущей жизни – могила, стукъ заступа и пѣніе ангеловъ?

Громскій хотѣлъ бы безъ мысли о жизни, безъ трепетанія вѣкъ любоваться ея очами, подслушивать ея дыханіе, подмѣчать волненіе груди, а конецъ галстука щекоталъ его подбородокъ, и накрахмаленные воротнички рубашки рѣзали

шею. Онъ заготовлялъ такія прекрасныя поэтическія фразы для разговора съ княгиней, – и ни разу не могъ отвѣчать связно на самыя обыкновенные вопросы ея. Самолюбіе грызло его, какъ вампиръ; онъ чувствовалъ, что долженъ казаться чудачкомъ въ глазахъ ея и глупцомъ въ мысляхъ... А между тѣмъ графъ разсыпался любезностью. Онъ говорилъ о самыхъ простыхъ вещахъ съ такою оборотливостью и ловкостью; рѣчь его заострялась ироніей, играла невынужденной веселостью и блистала красивой изысканностью, какъ вычурная бумажка, завертывающая самую простую конфетку.

Таковъ языкъ свѣтскаго человѣка!

Несмотря на все это, княгиня не казалась внимательною къ его разговору. Она была задумчива, она играла съ листкомъ стебелька розы...

Громскій немилосердно повертывалъ въ рукахъ свою новую модную шляпу.

Било одиннадцать.

Графъ Вѣрскій всталъ съ кресель. Громскій, поглядывая на него, приподымался.

Когда они оба раскланивались съ княгиней, она оборотилась къ поэту съ такимъ божественнымъ взглядомъ, который не всегда удается видѣть человѣку въ его земномъ существованіи.

– Г. Громскій, – произнесла она своимъ музыкальнымъ голосомъ... – Я надѣюсь васъ скоро видѣть у себя. По вечерамъ вы меня почти навѣрно можете заставить дома. Мнѣ

всегда пріятно быть въ вашемъ обществѣ..

«Странно, – подумалъ графъ, – по вечерамъ она, кажется, очень рѣдко бываетъ у себя».

Громскій едва сдержалъ свое восхищеніе отъ послѣднихъ словъ княгини, и когда вышелъ изъ ея будуара, слезы упоительнаго самодовольствія брызнули изъ очей его.

Эти слезы были для него ярче и освѣжительнѣе небесной росы!

Когда онъ проснулся на слѣдующее утро, его знакомство съ княгинею, ея благодатный привѣтъ представлялись ему очаровательнымъ сномъ. Онъ протеръ глаза и старался распутать грезу съ вещественностію, и въ грезѣ и вещественности – была она, одна она, одинъ ея образъ! Послѣ пролетной минуты задумчивости онъ быстро вскочилъ съ постели, онъ бѣгалъ по комнатѣ, онъ смѣялся, онъ плакалъ, онъ тысячу разъ повторялъ вслухъ: «мнѣ всегда пріятно быть въ вашемъ обществѣ».

Онъ походилъ на помѣшаннаго!..

Послѣ первыхъ минутъ такого волненія молодой человѣкъ снова задумался.

– Можетъ быть это заученная обыкновенная фраза, которую всѣ свѣтскія женщины повторяютъ изъ приличія? – мыслилъ онъ.

Воспользоваться ли мнѣ ея приглашеніемъ?

Можетъ ли общество бѣднаго, незначащаго человѣка, не имѣющаго понятія о свѣтскомъ приличіи, о свѣтскомъ язы-

къ, нравиться блистательной княгинѣ, которая привыкла къ вѣчнымъ комплиентамъ паркетныхъ любезниковъ?

Я неловокъ, мои ноги измѣняютъ мнѣ на паркетѣ... Что, если я встрѣчусь въ ея гостиной съ какимъ-нибудь изъ этихъ франтовъ? Вѣдь я уничтожусь предъ нимъ?..

Сколько подобныхъ вопросовъ толпилось въ головѣ молодого человѣка! Какъ кружилась голова его! Какъ жестоко страдалъ онъ!

– А ея взглядъ? ея взглядъ?. – продолжалъ онъ голосомъ постепенно звучнымъ и сильнымъ... Ея взглядъ, когда она произносила мнѣ этотъ привѣтъ!!

О, нѣтъ! нѣтъ! то не были заученныя слова необходимости... Нѣтъ! миллионъ разъ нѣтъ! Искра души художника, тонкій лучъ небесной радуги, серебристый блескъ луны, ничто не могло быть ярче, вдохновеннѣе взгляда! Взглядъ младенца – не благословеннѣе его.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, часовъ въ 8 вечера, Громскій съ тѣмъ же волненіемъ ходилъ взадъ и впередъ по Большой Милліонной и, блѣднѣя, нѣсколько разъ проходилъ мимо подъѣзда съ гранитными колоннами... Наконецъ рука его крѣпко сжала ручку замка огромной двери подъѣзда – и онъ очутился лицомъ къ лицу съ разряженнымъ швейцаромъ...

– Княгиня дома? – спросилъ молодой человѣкъ дрожащимъ голосомъ.

– Какъ объ васъ прикажете доложить?

– Громскій.

– Пожалуйста навѣрхъ. Княгиня принимаетъ, – почтительно произнесъ швейцарь.

– У нея есть кто-нибудь?

– Княгиня *одна*.

Одна! это слово электрически объяло его сердце; онъ не хотѣлъ встрѣтить кого-нибудь у княгини, но мысль быть съ ней одной... ужаснула его!

Мы предоставляемъ читателямъ вообразить положеніе его въ ту минуту, когда онъ всходилъ по ковру лѣстницы... и съ каждой ступенькой приближался къ княгинѣ.

– А! г-нъ Громскій! – воскликнула она, при видѣ поэта, съ робостью отворявшаго дверь, – я думала, что вы забыли меня; признаться ли, я уже теряла надежду видѣть васъ у себя?

– Княгиня, я... не смѣлъ... не могъ... – И онъ стоялъ передъ нею, несвязно лепеча что-то.

– Садитесь. Что жъ вы не сядете? – Княгиня немного привстала и придвинула къ себѣ стулъ.

Ободренный Громскій сѣлъ на кончикъ этого стула.

– Я думала, – продолжала княгиня, – что человѣку, такъ углубленному въ занятія, какъ вы, не достанетъ времени на пустые визиты, выдуманные нами отъ бездѣлья. Я очень хорошо знаю, – замѣтила она съ улыбкою, – какое различіе, какія границы между поэтомъ и свѣтскимъ человѣкомъ.

– Развѣ вы принимаете меня за поэта? – осмѣлился возразить Громскій.

Она взяла со столика, стоявшаго возлѣ нея, какой-то печатный листъ, развернула его и, указывая своимъ пальчикомъ на средину листа...

– Кажется, это ваше имя? – произнесла она.

Этотъ листъ – былъ однимъ изъ послѣднихъ NoNo «Литературной Газеты», которую издавалъ покойный Дельвигъ. Громскій вспыхнулъ огнемъ: на этомъ листкѣ точно было напечатано его имя, въ этомъ листкѣ было точно помѣщено его стихотвореніе.

– Видите ли вы, что я иногда читаю и русскія книги, – молвила она съ той же улыбкой.

– Поэзія – мой отдыхъ отъ другихъ занятій, княгиня...

– О, это самый утѣшительный отдыхъ! Самыя отрадныя минуты, – перебила она... – А вы меня познакомите съ вашими сочиненіями, не правда ли; вы будете такъ добры?..

– Я не думаю, чтобы мои легкіе опыты заслуживали ваше вниманіе, княгиня. Вы избалованы гармоніей европейскихъ писателей...

Видно было, что Громскій оживалъ подѣ благотворнымъ ея вниманіемъ, и хотя рѣчь его еще не переставала вытягиваться принужденностью, однако онъ начиналъ говорить не запинаясь, а это было уже довольно на первый разъ!

– Развѣ у васъ нѣтъ желанія заохотить меня къ русскому чтенію? Я, не шутя, хочу знать литературу моей родины... Можетъ быть вы слишкомъ нетерпѣливы? Можетъ быть вы не возьмете на себя труда быть моимъ учителемъ? Право, я

буду прилежною ученицей.

Можно ли передать, что было тогда съ сердцемъ молодого человѣка?

Онъ былъ такъ счастливъ, такъ полонъ, такъ упоенъ нѣгою ея взоровъ!

Его очи таяли отъ ея обаянія, выражались душою, сверкали страстью.

Не завидовать ему въ эту минуту было свѣше силъ человѣческихъ!

Съ этого дня Викторъ чаще и чаще посѣщалъ княгиню. Княгиня сильнѣй и сильнѣй чувствовала необходимость видѣть Виктора. Она стала рѣже появляться въ гостиныхъ. Между тѣмъ графъ Вѣрскій ничего не зналъ объ успѣхахъ своего неуклюжаго пансіонскаго товарища. – Въ это время появилась въ петербургскихъ обществахъ баронесса Р** – и онъ, предводителемъ толпы обожателей, преклонялся предъ новымъ свѣтиломъ!

Въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца княгиня переѣхала на свою каменноостровскую дачу.

Любовались ли вы островами – этою лѣтнею жизнью петербургскихъ жителей? Выходили ли вы въ часъ утра на Каменноостровскіи мостъ, въ тотъ часъ утра, когда просыпающаяся природа еще не возмущена шумомъ и громомъ людской суеты? Когда она еще не стряхнула съ своего личика капли алмазной росы? Когда она еще не успѣла запылиться прахомъ, взвѣваемымъ гордостью людскою? Когда она еще

не успѣла затускнѣть отъ тлетворнаго дыханія людей?

Ничто не шелохнется. Солнце встаетъ, разрѣзая лучами своими вуаль, сотканный туманами... Природа-красавица трепещетъ пробужденіемъ и улыбается свѣтлою улыбкой солнца... Туманъ разрѣдился... Яхонтъ небесъ подернулся позолотою – и солнце, ослѣпивъ блескомъ, кокетничаетъ и смотрится въ зеркало Невки. Взойдите на правую сторону моста отъ дороги. Опаловыя струи Невки омываютъ изумрудный берегъ дворца и тѣнистый лѣсокъ дачи княгини Лопухиной, расходятся въ обѣ стороны и исчезаютъ вдали. Прямо противъ васъ, между кудрями лѣса, возвышается каменный двухэтажный домъ съ свѣтло-зеленымъ куполомъ; далѣе по всему противоположному берегу пестрѣютъ легкіе домики въ густой зелени. Обернитесь налѣво: по обѣимъ сторонамъ берега дача за дачей еще живописнѣй играютъ разноцвѣтностью красокъ, и все на той же зелени, *любимой краскѣ природы*... Правда, не ищите здѣсь никакой торжественности, никакой величавости: это прекрасный ландшафтъ, не болѣе! Сама природа, будто примѣняясь къ мѣстности, дѣлается здѣсь немного изысканною, немного кокеткой, зато эта кокетка обворожительна ночью. Взгляните – луна, покраснѣвши, будто дѣвственница, пойманная впервые наединѣ съ милымъ, будто разгорѣвши отъ страсти, робко выглядываетъ изъ чащи деревъ и, успокоенная безмолвіемъ, тишью земной, блѣднѣе выступаетъ, будто *нава*, по звѣздистому паркету... Она не увѣрена въ самой себѣ, она робка –

но ея поступь по гигантскому помосту небесъ и страстна, и соблазнительна! Какъ мило освѣщаетъ она тѣнистую аллею Строгановскаго сада, какъ задумчиво глядится въ Елагинскій паркъ, какъ серебрить окна дачь и какъ манить мечтательницу изъ душевной комнаты погулять и повздыхать съ нею вмѣстѣ на раздольѣ... Шалунья, она то окунется въ водахъ Невки, то, завернувшись въ прозрачную мантилью облака, кажется, хочетъ играть въ жмурки, то переливомъ обманчивыхъ лучей свѣта строить такіе фантастическіе чертоги тамъ, вдали, за моремъ...

Небольшая двухъэтажная дача княгини, расположенная съ тонкимъ и разборчивымъ вкусомъ образованной женщины, лежала налѣво отъ Каменноостровскаго моста, по дорогѣ, ведущей къ лѣтнему театру. Эта дача вверху обведена была кругомъ стеклянною галлереею, уставленною цвѣтами, которые совершенно закрывали ея стѣны и только давали мѣсто однимъ диванамъ, расположеннымъ перерывисто вдоль стѣны. Половина галлерей, выходявшей въ садъ, отдѣлена была ширмами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, такъ что составляла совершенно особую прелестную комнату. Она украшалась обыкновенно, будто на заглядѣнье, отборными цвѣтами, была окружена эластическими диванами и устилась превосходнымъ ковромъ, который былъ выписанъ мужемъ княгини въ подарокъ ей изъ чужихъ краевъ. Эта комната, освѣщенная лунною лампою, была невообразимо уютельна!

Вы сказали бы, взглянувъ на нее, что то святилище любви, созданное искусною рукою художника. Круглая, отвѣсная, витая лѣстница краснаго дерева, спускавшаяся незамѣтно изъ этой комнаты внизъ, была такъ легка, что казалась нечаянно заброшенною...

Здѣсь чаще всего сиживала княгиня, задумчивая, съ тяжелымъ укорительнымъ вздохомъ о прошедшемъ, съ яркою поэтической мечтою о будущемъ!.. Иногда слезы, слезы очень походившія на раскаяніе, туманили ея свѣтлыя очи; иногда грудь ея облегчалась долгимъ вздохомъ, иногда ея нѣжная, бѣлая какъ мраморъ ручка поддерживала отяжелѣвшую голову. Правда, такія минуты бывали рѣдки, потому что она рѣдко была одинока, но тѣмъ не менѣе онѣ показывали страдательное, болѣзненное состояніе души ея. Совсѣмъ не такова была она, сидя возлѣ Громскаго, который уже безъ всякой смуты любовался ею и говорилъ съ нею безъ принужденности. Молодой человѣкъ дышалъ воздухомъ будущей жизни; съ нѣкотораго времени онъ замѣчалъ въ очахъ княгини. устремленныхъ на него, пламя... Но онъ не смѣлъ назвать это пламя – любовью; съ нѣкотораго времени въ очахъ ея прорывалась недвусмысленность страсти, но мысль – *быть любимымъ* этою женщиною, казалась ему; слишкомъ дерзкою. Онъ не былъ избалованъ счастьемъ! И хотя Викторъ уже свыкъ съ ея присутствіемъ, но ни одинъ взглядъ его, устремленный на нее съ невольнао вырывавшеюся любовью, не былъ возмущенъ волненіемъ жаждущей страсти... Нѣтъ! – душа

его въ эти минуты растоплялась молитвою.

Да! Викторъ былъ очень неопытенъ! Она для него порой забывала музыкальные вечера, опаздывала на балы, рѣже выѣзжала въ театр: его присутствіе у нея никогда и ни къмъ не было возмущаемо!.. Боже мой! Да при такихъ признакахъ другой, на его мѣстѣ, выстроилъ бы тысячи воздушныхъ замковъ на своемъ сердцѣ.

Часто Громскій просиживалъ цѣлые вечера съ нею, читая ей Шиллера; въ немъ онъ хотѣлъ передать ей себя... и она вполнѣ понимала *его!* Часто, вдругъ прерывая чтеніе, онъ проникалъ ее своимъ взглядомъ, будто выпрашивая у нея отвѣта на мысль свою, часто она была такъ близка къ нему, что онъ ощущалъ вѣяніе ея дыханія на щекахъ своихъ. Часто при чтеніи вылеталъ изъ груди ея вздохъ, а изъ очей выкатывалась слеза, и въ немъ колыхалось желаніе коснуться устами этой слезы и выпить ее... Эти вечера были несравненны!

Время шло быстро. Уже августъ былъ въ послѣднихъ числахъ. Однажды вечеромъ, послѣ долгаго разговора, въ которомъ Громскій изливалъ свою восторженную душу, свой твердо образованный умъ, онъ и она сидѣли задумавшись. Послѣ минуты молчанія юноша вынулъ изъ кармана исписанный листокъ бумаги и началъ читать княгинѣ стихи... Въ этихъ стихахъ выражалось мучительное пламя любви, сердце глубоко раздраженное... Поэзія радужными отливами сверкала въ нихъ, музыкальность заворачивала слухъ... Княгиня поняла, *къмъ и для кого* они написаны. Когда онъ

кончилась, она положила свою руку въ его руку и устремила на него пронизательный бзглядъ. Сердце ея тонуло въ нѣ-гѣ, было упоено восторгомъ; темныя кудри ея, развившись, упали на лицо; грудь, стѣсненная полнотою дыханія, гордо вздымалась. Онъ крѣпко сжалъ ея руку и благоговѣнно поцѣловалъ ее... Это было первое прикосновеніе его къ женщи-нѣ! Княгиня вздрогнула: ее проникалъ сладостный тре-петъ... Въ первый разъ въ жизни она испытывала такое бо-жественное чувство!.. Когда звонъ часовъ напомнилъ имъ время разлуки, она произнесла: До завтра, Викторъ! – Она впервые назвала его Викторомъ...

Тогда онъ почувствовалъ, что онъ владѣеть одною изъ тѣхъ минутъ, которыя рѣдко даются человѣку въ земномъ быту! Тогда онъ тихо повѣрялъ самому себѣ святую и страш-ную тайну; да, точно, *она* любитъ меня!

Не правда ли, любовь непорочнаго юноши не походить на любовь свѣтскаго человѣка?

Когда Громскій вышелъ, княгиня упала на диванъ – и за-лилась слезами...

– Боже мой! – лепетала она сквозь слезы, – я недостойна сго. Онъ свѣтель, какъ младенецъ, я темна, какъ грѣшница. Я уже разъ измѣнила клятвѣ, клятвѣ, которую давала я Богу! Я безумно разорвала обязанности супруги – и для кого? для кого?.. – Княгиня въ ужасѣ вскочила съ дивана; она трепе-тала, какъ въ лихорадкѣ; она подбѣжала къ небольшому сто-лику, со скоростью выдвинула ящикъ, выхватила изъ ящика

связку писемъ, перевязанную розовою ленточкой, и съ дикою радостью бросила ихъ въ огонь топившагося камина. Съ жадностью слѣдила она испепелившіеся листки – и сердцу ея становилось легче и легче.

На другой день, когда Громскій явился въ опредѣленный часъ, онъ засталъ княгиню за флигелемъ. Она пѣла *Цвѣтокъ* Пушкина. Юноша, безмолвень, бездыханень, остановился въ дверяхъ, поражеиный ея восхитительными звуками; онъ таялъ и млѣлъ... Когда она кончила, онъ неслышно подошелъ къ ней... Она почувствовала его присутствіе и вздрогнула... – Ахъ, это ты, Викторъ! – вскрикнула она съ довольною улыбкою... – Это вы, – произнесла она, одумавшись. – А вы притаились, вы подслушивали меня?..

– Я не былъ здѣсь, я не былъ на землѣ, княгиня!..

– Это поэтическая фраза! – замѣтила она.

– Это языкъ души, – возразилъ онъ...

Она задумалась – и, будто увлеченная вдохновеніемъ, снова начала пѣть... Онъ сѣлъ возлѣ нея...

Коротки часы жизни, но какъ не отдать и ихъ за такія минуты!

Упоительно слышать гармоническое пѣніе женщины, но внимать голосу той, которую любишь, – это значить уноситься отъ земли выше и выше, чувствовать расширение души!

О, какъ плѣнителень былъ юноша въ эту минуту, какъ говорилъ онъ безъ словъ, какъ роскошно жилъ безъ жизни!

Она смолкла... Настало продолжительное молчаніе... Ти-

хо было въ комнатѣ, лишь слышалось прерывистое жаркое дыханіе двухъ любовниковъ... Уста ихъ слились!

Это мгновеніе надобно было вычеркнуть изъ книги ихъ жизни. Въ это мгновеніе они не существовали!

– Я люблю тебя, Викторъ! Жизнь и ты, ты и жизнь! – шептала она замирая.

– Я не перенесу много счастья! – задыхаясь, говорилъ Громскій.

Вдругъ княгиня, подавленная какою-то мыслью, отскочила отъ Виктора и подбѣжала къ окну галлерей... Она отворила окно, взоръ ея утонулъ во мглѣ, мелкій дождь кропиль распаленное страстью лицо ея.

Минуты черезъ двѣ она возвратилась къ нему...

– До завтра, до завтра, Викторъ, – произнесла она, – но завтра мы будемъ благоразумнѣе. Ты еще не читалъ мнѣ Шиллерова «Донъ-Карлоса».

III.

.....Говорятъ, что есть въ Швейцаріи дубы,
коихъ корни раздираютъ скалы.
Но IX Брошюрокъ Кронеберга.

Мы не беремса передать всѣхъ догадокъ, предположеній, сплетней, которыя кружились въ обществахъ насчетъ княгини. Сплетни начались, какъ вамъ извѣстно, съ Адамова семейства, и потомъ постепенно росли и укоренялись подъ благотворнымъ развитіемъ этого почтеннаго семейства въ поколѣніе, а изъ поколѣнія въ толпу народа, а изъ толпы народа въ отдѣльныя массы. Сплетни – необходимая принадлежность, если хотите, второй воздухъ, вторая жизнь грязной, закопченной избы крестьянина, свѣтлой и опрятной комнаты чиновника и раззолоченныхъ палатъ аристократа... съ тою только разницею, что въ избѣ крестьянина сплошь обыкновенно одѣваются въ сарафаны, въ комнатѣ чиновника являются въ ситцевыхъ платьяхъ, а въ палатахъ аристократа изволятъ облекаться въ шелкъ и бархатъ... Да и въ самомъ дѣлѣ, согласитесь, можно ли жить безъ сплетней? Жизнь безъ того такъ скучна, такъ однообразна, такъ монотонна: ее необходимо надобно *прикрашивать, облекать вымыслами, фантазіями*. Предмета для этихъ фантазій мы должны искать въ вещахъ одушевленныхъ, которыя сподручнѣе, ближе

къ намъ. Отъ этого-то наши ближніе – самый лучший предметъ для сплетней, или утонченнѣе, для вымысловъ; къ тому же, вникните: сплетни – поэзія общества; въ сплетняхъ требуется изобрѣтеніе, творчество, а для изобрѣтенія – талантъ, а для творчества – гений! Большею частью такіе таланты и гении проявляются между женщинами.

Г-жа М*, женщина лѣтъ сорока пяти, находившаяся около десяти лѣтъ въ развѣздѣ со своимъ мужемъ, принадлежала къ числу гениевъ по этой части. Въ одно октябрьское утро она сидѣла съ своей пріятельницей, двадцатипятилѣтней баронессой Р**, о которой уже мы говорили мимоходомъ читателямъ, и рассказывала ей со всѣмъ поэтическимъ энтузіазмомъ слѣдующую повѣсть:

– Какъ жаль, что княгиня Гранатская отказалась отъ обществъ въ такія лѣта, съ такой красотой, съ такимъ образованіемъ! Она была обворожительнымъ украшеніемъ гостиныхъ, какъ теперь ты, мой милый ангелъ!.. Правда, въ ней не было этой легкости, этой граціозности, которая такъ необходима свѣтской женщинѣ; ея манеры были немножко небрежны... однако, несмотря на то, она еще до сихъ поръ могла бы играть роль, хотя не такъ значительную, какъ прежде. Еще обиднѣе, что мы лишились, и безвозвратно, ея вечеровъ: а эти вечера были очень милы, очень одушевлены. Говорятъ, ея домъ навсегда запертъ для всѣхъ, кромѣ *одного*: вотъ уже четыре мѣсяца, какъ она никого не принимаетъ; около полугода, какъ едва показывается въ гостиныхъ, и двѣ недѣ-

ли, какъ рѣшительно никуда не выѣзжаетъ...

– Я была раза два у нея, когда она еще жила на своей дачѣ, – перебила баронесса, – и она оба раза принимала меня; это было... кажется, въ концѣ іюня... Въ августѣ я ее видѣла на музыкальномъ вечерѣ у княгини Л** и на балу у графини З**...

– Право? – то были ея послѣдніе выѣзды. Я тебѣ сказала, мой другъ, что ея домъ запертъ для всѣхъ, кромѣ *одного*... Знаешь ли, кто этотъ *одинъ*? Человѣкъ никуда не выѣзжающій, ни съ кѣмъ незнакомый, какой-то чудакъ, самаго простаго происхожденія, ужасно дурной собою... и къ тому же, говорятъ, поэтъ! А ты знаешь, Адель, какъ эти люди чудовищны въ обществѣ!.. Бѣдный мужъ княгини! Она, кажется, совсѣмъ забыла о его существованіи!.. Къ тому же, какой ужасъ, какое пятно для фамиліи князя: если бы зналъ онъ, что жена его имѣетъ связь съ человѣкомъ низкаго происхожденія!! другое дѣло, ея прежняя любовь... – Баронесса нахмурила личико. – У насъ, кажется, нравы еще не такъ испорчены: наши дамы не позволяютъ ухаживать за собой людямъ, которые Христа ради поддерживаютъ свое существованіе, этимъ художникамъ, этимъ поэтамъ! Къ тому же, слава Богу, эти ремесленники почти и не показываются въ нашихъ обществахъ... Какъ бы то ни было, княгиня до того рѣшилась *компрометировать* себя, что отворила дверь своего будуара для этого чудака. Онъ топчетъ ея ковры грязью своихъ сапогъ, онъ, говорятъ, коптитъ ея комнаты табачны-

мъ дымомъ! Фи! одна мечта о такомъ невѣжествѣ ужасаетъ меня, мнѣ становится дурно. – Г-жа М* понюхала скляночку съ духами, которая стояла передъ нею. – Можно ли низойти до этого? Она проводитъ, запершись съ нимъ, цѣлые вечера... Онъ всегда ходитъ съ кинжаломъ; онъ дикъ, какъ индѣецъ, онъ страшень, какъ арабъ – и бѣдная княгиня, натурально, дрожитъ отъ страха, сидя возлѣ него... Послѣ этого ты видишь, милая, почему она не можетъ ни принимать къ себѣ, ни выѣзжать... Я воображаю, какая жестокая сцена будетъ разыгрываться въ ея домѣ по прїѣздѣ ея мужа. Мнѣ отъ души жаль добраго князя!

Въ это время вошедшій лакеи подаль г-жѣ М* запечатанную записку. Она прочитала и вся вспыхнула.

– Какая странность, милая! – продолжала она, отдавая записку баронессѣ. – Какъ ты думаешь, что это? Приглашительная карточка на вечеръ отъ княгини! Непостижимо! И вечеръ назначень послѣ завтра! Неужели ея дикарь покажется въ обществѣ?

– Ты ошибаешься, Аделаида, – произнесла наконецъ баронесса, – онъ вовсе не дикарь! Мнѣ говорилъ объ немъ Александръ; напротивъ, онъ только страшный, неловкій... Онъ былъ когда-то его пансіонскимъ товарищемъ... и графъ былъ такъ любезень, что хотѣлъ доставить случай посмѣяться всѣмъ надъ его неловкостью, представивъ его къ княгинѣ... Александръ увѣрялъ меня, что онъ хорошо знаетъ его характеръ, что онъ тихъ, какъ ягненокъ, и что княгиня вовсе не

въ связи съ нимъ. Ей пришла одна изъ самыхъ странныхъ и невстрѣчаемыхъ прихотей: заниматься нѣмецкою литературой; онъ хорошо знаетъ этотъ языкъ – и въ ея домѣ не болѣе, какъ учитель. Впрочемъ, Александръ давно не видалъ его, нарочно же спрашивать у этого чудака, какую роль играть онъ у княгини, вовсе незанимательно для графа!..

– Съ нѣкотораго времени я этому очень вѣрю, – возразила съ насмѣшливою улыбкою г-жа М*. – И я знаю, что ты имѣешь причины болѣе слушать графа Вѣрскаго, чѣмъ меня!

* * *

Черезъ день послѣ этого разговора зала княгини Гранатской блистала огнями; въ этой залѣ собрано было все: роскошь, изящество, утонченная свѣтскость, образование, острота, умъ, гордость, тщеславіе, изысканность, любовь, волокитство, юность, дряхлость, красота... и все смѣшивалось, вса сливалось, все кружилось въ глазахъ, оставляя въ памяти недоговоренныя фразы, недоконченныя мысли, недоясненные взгляды. Среди этого хаоса возставало одно существо упоительнѣе всѣхъ, совершеннѣе всѣхъ... То была хозяйка дома. Съ самаго появленія *своего* въ обществахъ никогда и нигдѣ она еще не была такъ поразительна... Казалось, она одушевлена была новою жизнью, доселѣ невѣдомою ей: жизнью души; новымъ чувствомъ, котораго она прежде тщетно

искала: чувствомъ высокой любви!.. Взглядъ ея сверкалъ искрами сердца, уста трепетали поцѣлуями, грудь волновалась полнотою сладостныхъ вздоховъ... Это было видѣніе, ниспосланное небомъ поэту. Это была мечта художника, мечта Рафаэля, когда душа пробудила его и въ волшебномъ заревѣ указала стоявшую предъ нимъ Мадонну!

Всѣ съ почтительнымъ удивленіемъ преклонялись предъ княгинею, всѣ были заморожены ею въ этотъ вечеръ...

Когда графъ Вѣрскій, совершенно до того забывшій ее, вдругъ взглянулъ на нее и потомъ бросилъ испытующіе глаза на свою баронессу, она показалась ему такою жалкою, такою ничтожною! Онъ едва могъ скрыть свое волненіе – онъ обернулся въ сторону: прямо противъ него стоялъ статный, ловкій, заманчивый молодой человѣкъ, одѣтый съ самымъ тонкимъ, заботливымъ вкусомъ... Лицо его обведено было рѣзкими, поэтическими чертами; огненный взоръ его слѣдилъ въ ту минуту княгиню, будто говоря: «Дивитесь, дивитесь, безумные! Вѣдь я вложилъ въ это обворожительное существо душу, я раздулъ въ немъ искру огня! Это мое созданіе!»

Графъ невольно вздрогнулъ. Молодой человѣкъ былъ его прежній товарищъ – Викторъ Громскій.

Какая-то неопредѣленная мысль промелькнула въ головѣ графа.

– Княгиня сегодня очень интересна! – говорила г-жа М* стоявшей возлѣ нея баронессѣ.

– Да, она не дурна, – блѣднѣя, отвѣчала послѣдняя. – А

хочешь ли, Аделаида, я тебѣ покажу ея любовника, этого страшнаго дикаря съ неразлучнымъ кинжаломъ. Вотъ онъ, направо отъ насъ, со сложенными руками...

Г-жа М* покрылась багровымъ румянцемъ... она вполнѣ поняла ядовитую иронию баронессы.

– Это онъ? – сказала одна молодая дама стоявшему возлѣ нея камеръ-юнкеру, указывая на Громскаго.

– Кажется, да.

– Ah! qu'il est beau, ce jeune homme! – Музыка гремѣла, все прыгало и вертѣлось съ беззаботнымъ самодовольствіемъ...

Княгиня, проскользнувъ незамѣтно мимо Виктора, устремила на него свой волшебный взглядъ, – взглядъ, который говорилъ ему: это все для тебя, для тебя одного, милый!..

Когда балъ приближался къ концу, когда утомительная мазурка была на исходѣ, нетанцовавшій графъ Вѣрскій, стоя возлѣ окна, разговаривалъ съ самымъ короткимъ своимъ другомъ, кавалергардскимъ ротмистромъ, Громскій, незамѣченный ими, очутился нечаянно сзади ихъ въ амбразурѣ окна и сдѣлался невольнымъ слушателемъ разговора.

– Княгиня восхитительна! – восклицалъ ротмистръ... – Ты счастливецъ, Александръ! Но вмѣстѣ съ этимъ ты и безумецъ: можно ли было промѣнять ее на баронессу, разстаться съ ней! Какая нелѣпая мѣна!.. Она не проститъ тебѣ оскорбленія, ты потерялъ ее, и навѣчно! Говорять, уже твое мѣсто занято: и непостижимо! Какой-то неизвѣстный никому уродъ пользуется ея благосклонностью...

У Громскаго поднялся дыбомъ волосъ, но не отъ послѣднихъ словъ ротмистра.

– Вздоръ! – отвѣчаль съ небрежною задумчивою и съ выразительною хвастливостью молодой графъ. – Сущій вздоръ! она моя, она не уйдетъ отъ рукъ моихъ! Она была и будетъ моею! Я перешагну черезъ этого глупца – и снова брошусь въ ея объятія... Я завтра же буду въ ея будуарѣ!

Громскій былъ блѣдень, какъ мертвецъ, етраинень, какъ помѣшанный; губы его синѣли; онъ весь дрожалъ въ лихорадкѣ; кулаки его были стненуты, перчатки разорваны въ сгибѣ пальцевъ, и въ обоихъ кулакахъ онъ держалъ по половинѣ батистоваго платка...

Когда всѣ разѣхались, Громскій неслышно подошелъ къ княгинѣ...

– До завтра! – произнесъ онъ убійственнымъ голосомъ и какъ тѣнь скрылся.

Она вскрикнула.

Громскій сдержалъ обѣщаніе: на другой день, въ 11 часовъ утра, онъ былъ въ ся спальнѣ. Цвѣтъ лица его былъ такъ же страшень, какъ наканунѣ, въ ту минуту, когда онъ выслушивалъ роковыя слова, – будто жизнь его съ той минуты замерла въ немъ. Только глаза юноши сверкали молніей страсти, только походка была порывиста... Онъ засталъ княгиню, противъ обыкновенія, въ этотъ часъ уже совершенно одѣтою. Видно было по изнеможенію лица ея и по истомѣ во всѣхъ движеніяхъ, что она во всю ночь не смыкала глазъ.

Онъ ходилъ по комнатѣ; она съ замираніемъ сердца слѣдила шаги его.

Онъ остановился противъ нея.

– Знаете ли, княгиня, – произнесъ онъ ледянымъ голосомъ, – я теперь только понимаю, что такое жизнь... Одна минута, только одна минута – и человекъ, слѣпецъ, стоитъ озаренный страшнымъ пламенемъ, пламенемъ, которое ниспосылаетъ ему само небо. Часто среди благодатной тиши лазореваго неба набѣгаютъ черныя тучи, спускаются ниже и ниже, захватываютъ дыханіе – и молнія, блеснувъ, распахнетъ гнѣвный свѣтъ свой по неизмѣримому пологу. Не правда ли, такая картина и неожиданна, и чудесна... Бури очищаютъ воздухъ, бури благодѣтельны, княгиня!..

Она молча, съ темнымъ предчувствіемъ чего-то, смотрѣла на Виктора.

Онъ опять сталъ ходить поперекъ комнаты...

Быль тяжелый промежутокъ молчанія.

Онъ сѣлъ возлѣ нея.

– Княгиня! дѣло о жизни или смерти двухъ человекъ. Ихъ приговоръ въ устахъ вашихъ. Вчера вечеромъ случай открылъ мнѣ многое. Я хочу стрѣляться...

– Что это значить, Викторъ? – произнесла она дрожащимъ голосомъ.

– Вы не понимаете, а прежде вы такъ хорошо понимали меня! Что жъ вы не спрашиваете, съ кѣмъ я хочу стрѣляться?..

– Викторь! Викторь! – лепетала она умоляющпмь голосо-
мь.

– Я должень вступиться за честь женщины, за честь той
женщины (и онъ сжалъ ея руку), которая для меня дороже
жизни. Ее клевететь...

Холодный потъ крупными каплями выступилъ на спинѣ
княгини.

Онъ наклонился къ ея уху и произнесъ что-то. Она про-
стонала.

– Не бойтесь, княгиня, вы будете отмщены. Мщение со
мною, я ношу его на груди моей... – Онъ вынулъ изъ кармана
заряженный пистолеть и брякнулъ роковою сталью о столъ.

– Дайте мнѣ напиться его кровью... Я хорошо умѣю стрѣ-
лять въ цѣль. О, рука не измѣнитъ мнѣ, наводя на него ду-
ло этого пистолета... Произнесите одно слово, благословите
меня въ послѣдній разъ, можетъ быть, въ послѣдній... Кто
вѣдаетъ волю Провидѣнія?.. То будетъ благословение отца,
благословение матери, благословение любящей женщины. У
меня нѣтъ никого, кромѣ васъ, княгиня...

Уста ея не шевелились.

– Ты молчишь, Лидія! Заклинаю тебя, произнеси же одно
слово, только одно слово...

Онъ упалъ на колѣни предъ нею.

– Вѣдь это кровавая, адская клевета? Вѣдь онъ не смѣлъ...

Юноша скрежеталъ зубами, плакалъ безъ слезъ, распро-
стертый у ногъ ея.

Въ смертной тиши безмолвія послышался звонъ колокольчика въ швейцарской...

— Это онъ, — произнесъ Викторъ вставая; лицо его было покрыто пятнами.

— Одно слово! одно слово!

Она молчала.

Тогда какая-то мысль горячею лавою разлилась въ немъ; въ изступленіи онъ схватилъ ея руку и увлекъ за собою къ другому концу комнаты. Онъ подвелъ почти безчувственную княгиню къ небольшому дивану противъ трюмо.

— Вы можете стоять, ходить, сидѣть, все, что вамъ угодно, но только здѣсь, противъ этого зеркала. Вы должны принять графа... Я стану за этой ширмой и буду слѣдить оттѣнки вашихъ взглядовъ, желанія вашихъ движеній... Зеркало будетъ вполнѣ отражать васъ; вы молчите, а оно будетъ говорить за васъ... *Онъ* не долженъ знать, что я здѣсь. Хорошо ли вы поняли мепя?

Она утвердительно кивнула головой, она безъ словъ повиновалась.

Пистолета на столѣ уже не было.

Графъ Вѣрскій впорхнулъ въ дверь...

Княгиня встрѣтила его съ улыбкой; это была улыбка на лицѣ трупа.

Графъ остолбенѣлъ отъ ужаса, взглянувъ на нее.

А однако только ночь раздѣляла ее отъ вчера!

— Ты нездорова, Лидія! — произнесъ онъ.

– Да, я чувствую себя нездоровою, – отвѣчала она едва слышно.

Это *ты* разрушительно коснулось Громскаго... Взоры его сковались съ зеркаломъ. Зеркало измѣняло тайнамъ княгини. Онъ недвижимъ и бездыханенъ стоялъ за ширмами, у самой ея поетели.

– Я поцѣлю тебя, – продолжалъ графъ. – я согрѣю теоя моимъ дыханіемъ. Кающійся грѣшникъ у ногъ твоихъ... – Онъ сѣлъ возлѣ нея и хотѣлъ взять ея руку... Княгиня отодвинулась.

– Вы забываетесь, графъ... я привыкла, чтобы ко мнѣ сохраняли уваженіе...

– О, я вижу, что ты на меня сердисься. Въ самомъ дѣлѣ, я не стою поцѣлюю ручки твоей... Но я куплю своо прощеніе, во что бы то ни стало, хотя самымъ тяжелымъ и долгимъ покаяніемъ!

Онъ сталъ разсматривать комнату.

– Кажется, это трюмо стояло у той стѣны, – говорилъ онъ. Цвѣтъ занавѣсъ былъ гораздо темнѣе; кажутся, новая ширма... я не знаю, что можетъ сравниться съ превосходной отдѣлкой *Гамбса*. Какой вкусъ, какое изобрѣтеніе! Вѣдь и какія-нибудь ширмы требуютъ созданія, а не работы. Какъ ты объ этомъ думаешь, Лидія?..

– Да перестань же сердиться...

Княгиня испытывала страшную муку пытки.

– Я много нашель перемѣнъ въ твоей спальнѣ. Это за-

ставляетъ меня задумываться. Твоя спальня! Помнишь ли ты тотъ вечеръ, когда я...

— Ради Бога... Графъ! Я васъ умоляю.

— Какъ это *вы* несносно отдается въ ухахъ. Ты можешь и сердясь называть меня ты...

— А можно ли заглянуть сюда?

Графъ приподнялся, съ намѣреніемъ сдѣлать шагъ за ширму...

Она собрала оставлявшія ея силы и громко произнесла:

— Я вамъ приказываю остаться здѣсь!

— Какъ мило!.. О, произнеси еще разъ это слово! Я такъ привыкъ его слушать изъ устъ твоихъ, я такъ привыкъ повиноваться тебѣ...

Онъ наклонился, чтобы поцѣловать ея въ грудь.

Въ эту минуту за ширмой раздался выстрѣлъ, и пороховой дымъ окурилъ спальню.

Графъ устремилъ на нее вопросительный взглядъ.

Вслѣдъ за выстрѣломъ будто эхо послышался на улицѣ громъ какого-то тяжелаго экипажа, остановившагося у подъѣзда.

Княгиня не слыхала этого грома. Когда выстрѣлъ отозвался смертию въ ухахъ ея, она бросилась къ ширмѣ, она уже ступила за ширму... Вдругъ къ ногамъ ея упалъ трупъ юноши, загородивъ ей дорогу: кровь забагровила узоры ковра.

Жизнь то вспыхивала, то застывала въ ней; она, казалось, еще не потеряла присутствія духа, потому что давню ожидала

чего-то страшнаго. Предчувствіе не обмануло ее. Она схватила свой платокъ, чтобы зажать рану нечастнаго... Она припала къ лицу его, какъ бы желая раздуть въ немъ искру жизни... Она произнесла только: я его убійца! Онъ дышалъ еще, онъ устремилъ на нее прощальный, безукорный взглядъ и старался схватить ее руку.

Пораженный такою сценою, такимъ феноменомъ, совершившимся въ спальнѣ свѣтской женщины, безмолвно стоялъ графъ, взирая на умирающаго товарища. Трудно было рѣшить, что происходило въ немъ.

Тогда послышался необыкновенный разгромъ суматохи во всемъ домѣ... мигъ – и въ спальню княгини вбѣжалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый по-дорожному, въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ.

То былъ мужъ ея.

Графъ невольно вздрогнулъ отъ такой нечаянности.

Княгиня увидала пріѣзжаго, но она не измѣнилась въ лицѣ, она даже не вздрогнула отъ страха, она по-прежнему стояла на колѣняхъ надъ трупомъ. Блѣдно, открыто, благородно, невыразимо прекрасно было лицо этой женщины. Оно рѣзко обозначало ея нерушимый характеръ и силу любви ея.

Глаза блѣднаго мужа остолбенѣли, руки его опустились отъ картины, представившейся ему.

– Боже мой! – произнесъ онъ, указывая на юношу, истекавшаго кровью. – Что все это значить? убійство! кровь!! Лидія! Лидія!.. Кто этотъ человѣкъ?

Она отвѣчала твердымъ голосомъ:

— Это мой любовникъ!

* * *

Говорять, будто бы рана Громскаго не была смертельна, будто бы послѣ 4-мѣсячныхъ страданій онъ совершенно выздоровѣлъ и на другой день своего выздоровленія неизвѣстно куда уѣхалъ изъ Петербурга... Для княгини онъ не существовалъ болѣе: онъ не хотѣлъ вновь смущать ее своимъ появленіемъ! Кто знаетъ, поборолъ ли онъ страсть свою? Вѣрно только то, что любовь ея къ поэту была послѣднею очистительною жертвою, которую съ такимъ самоотверженіемъ принесла она на жертвенникъ любви; что остальная жизнь была для нея несносимою цѣпью, тяжкими веригами, страшною карою Провидѣнія, передъ которымъ лежала грѣшница во прахѣ съ кровавыми слезами раскаянія.